

БЕЛОРУССКИЕ СКАЗКИ

ВОЛШЕБНЫЕ БЕЛОРУССКИЕ СКАЗКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО СЕДЬМАЯ КНИГА

Сборник Белорусские сказки

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6506828*

*Белорусские сказки: Седьмая книга;
ISBN 978-5-906-13718-0*

Аннотация

Белорусские сказки сочетают в себе юмор, фантазию, и обычаи тысячелетней истории, особенности быта и культуры славянского народа. По живописности и красоте повествования они не имеют себе равных и открывают перед слушателем галерею древнейших художественно совершенных образов, ярких картин и сцен из героического прошлого. Сказочный эпос славян явился формирующей основой, из которого произрастает феномен белорусских волшебных сказок.

В настоящий сборник включены лучшие белорусские волшебные сказки.

Содержание

Из рога всего много	5
Наследство	15
Сестрица	51
Василь и трехглавый змей	61
Волшебная сила	67
Федор-разумник и богатыри	72
Иван утреник	81
Вдовий сын	102
Принцесса и разбойники	131
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Белорусские сказки

© 2012 г. Издательство «Седьмая книга». Перевод, составление, пересказ и редакция.

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Из рога всего много

Жили себе дед и баба. Дружно жили, до старости дожили, а богатства так и не нажили. Пришла пора, когда и работать-то тяжело стало: хвори да немочи одолели. Что добрые люди подадут, тем и сыты были.

Говорит однажды баба деду:

– Посеял бы ты, дед, пшеничку или просо какое – все не так голодно было бы. Собрали бы урожай, так до весны хоть кашу варили бы. Хлеб-то сухой уже зуб не берет!

– А где ж зернышки взять, что сеять буду?

– Гляди, вот припасла с горсть. Прятала, зато теперь будет что посеять.

Обрадовался старик: земельку вспахал, каждое зернышко с приговором в землю сыпал: «Уродись, просо, сытное да сочное, доброе дажданное!»

Получилось все у деда просто замечательно: солнышко просо обогрело, дождик вовремя напоил. Взошло просо, в рост пошло да и заколосилось. Дед с бабой смотрят, любят, нарадоваться не могут.

Только недолго радовались они. Увидел однажды дед, как по полю с просом, разбойно топча сочные колосья, журавль ходит.

Осерчал сильно, схватил длинную палицу и давай журавля гнать с поля:

– Ах, ты разбойник! Что ж ты сделал! Потоптал, поклевал! – сел дед на пригорок да заплакал с горя.

А журавль взмахнул крыльями – и улетел за ближний лесок.

Вытер слезы старик, поднялся да пошел домой, еле волоча ноги от горя. Пришел к бабе и рассказывает:

– Потоптал журавль наше поле, помял просо, поклевал. Не будет у нас с тобой теперь ни проса, ни каши из него.

– Не горюй, – отвечает ему баба, – возьми ружье. Ты же ловким охотником был когда-то! Застрели разбойника – будет у нас если не каша, то похлебка не пустая, а с мясом.

Вспомнил дед, как в молодости охотился, нашел на чердаке старое ружье, почистил его да дробью зарядил.

С рассветом встал на другой день и снова на поле пошел. Глядь – а по просу снова журавль топчется, остатки зерен выклеывает.

– Ах, ты ж, негодник! Ну, погоди, получишь ты теперь просо! – вовсе рассердился дед. Потом поднял ружье и прицелился в журавля.

Но не выстрелил, потому что заговорил вдруг журавль человеческим голосом:

– Ты что задумал, старик? Разве я тебя обидел?

Растерялся дед, но спохватился:

– Ты мое просо истоптал! Что мы с бабой теперь целую зиму есть будем? С голоду ведь помрем, – и снова ружье поднял, прицелившись.

А журавль и отвечает:

– Не серчай, дедушка! Не думал, что поле твое, думал, что хозяина богатого. Думал, авось, не обеднеет. Ты прости, вину свою вижу. Погоди, подожди меня здесь, принесу тебе кое-что взамен за потраву.

Взмыл резко в небо и в сторону лесочка подался.

Уселся дед на краю своего истоптанного поля, ждет, а сам думает: «А вдруг посмеялся надо мной и бабой журавль? Вдруг напрасно жду? Что ж я бабе скажу, когда домой вернусь и без урожая, и без дичи?»

Не успел додумать думу свою горькую, как видит: летит его обидчик – журавль. А в клюве холщовый мешочек держит.

Подлетел поближе к деду, не боится. Протянул мешочек, похожий на суму нищенскую, деду и говорит:

– Вот тебе вещица, что не только просо заменит, а и другими лакомствами побалуует.

«Вот еще! Тоже мне подарочек!» – подумал дед, а журавлю огорченно сказал:

– Такой сумой, дружок, ты меня не удивишь! Дома две такие же лежат. Нищие мы с бабой, вот ходим с такими сумами по людям, подаяние просим.

– Да не торопись отказываться, дедушка! – говорит журавль. – Эта сума – не простая, волшебная. Положишь ее перед собой да слова заветные скажешь: «Сума, сама раскройся да накорми вдоволь!» И все, чего душа пожелает, на ска-

терти белой появится. А потом прикажешь: «Сума, приберись!» – и все враз исчезнет.

Обрадовался дед, поблагодарил журавля, взял суму да домой пошел. Идет, а сомнения его мучить стали: а вдруг неправда все! И решил дед проверить, так ли все на самом деле. Уселся, положил суму перед собой и давай слова заветные вспоминать:

– Сума, сама раскройся да накорми вдоволь!

Ожила вдруг сума, раскаталась белой скатертью, а на ней... Чего там только не было! И пироги, и рыбка царская, и окорок, и вино душистое!

– Ну, дружок! Ну, журавлик! Не обманул, порадовал стариков!

Не смог удержаться дед, попробовал яства, приказал суме прибраться – и бегом домой, к бабе! Сил-то прибавилось неслыханных, будто еда была чудодейственной.

Вернулся к бабе счастливый, радостный, суму ей протягивает:

– Гляди, баба, какой подарочек нам журавлик сделал!

А та смотрит на деда, а у самой мысли горькие душу сушат: «Никак дед умом тронулся! Суму нищенскую вместо мяса принес, радуется чему-то!»

Дед не выдержал:

– Что не рада? Теперь сыты и здоровы будем всегда!

– Да за тебя тревожилась: не волки ли напали – так долго не было! А суму зачем принес? Две есть, и то не всегда полны

были, а ты третью нашел где-то!

– Ладно, бабка, так и быть, расскажу. Садись за стол! – и дед положил на старый-престарый деревянный стол суму.

– Сума, сама раскройся да накорми вдоволь! – в мгновение ока появилась белая, расшитая золотом скатерть, а на ней – разносолы да пироги, да вина заморские, да медок пахучий...

Бабка просто обеспамятела: столько еды никогда не видала! Казалось, и стены их избенки засветились.

– Где же ты, старик, столько добра взял?

– А это журавлик за то, что обидел, потоптал наши посевы, нас одарил! А ты еще застрелить его приказала.

– Откуда же мне было знать, что не простая птица это!

Славно поужинали дед с бабой, решили собрать всех бедняков и накормить их досыта. Что ж, самим, что ли, всем добром пользоваться? Надо и людям помочь.

Созвали гостей, угостили. Слава добрая о стариках по людям пошла, стали каждый день дед с бабой бедных потчевать.

Так слава о нескончаемых припасах и волшебной суме до богатого пана дошла.

А пан завистливый был, злой. Решил сам проверит, правда ли, что у деда такая сума есть. А заодно и забрать волшебную вещь себе: не мытьем, так катаньем.

Приехал к деду на бричке, запряженной тройкой дорогих лошадей, и потребовал:

– А ну-ка, дед, покажи свою волшебную суму!

Деться некуда, достал дед суму, показал, что она может.

Ох, напрасно верил дед всем людям.

Лицо пана побледнело от злости и зависти, когда он увидел яства. Таких блюд ему и французские повара не стряпали!

Приказал:

– Отдай! У меня гости поважнее твоих голодранцев будут: князя да царские помощники.

Дед осерчал:

– Не отдам! Что мы с бабой есть будем? Это подарок!

Решил пан тогда хитростью да обманом отобрать суму, так ему волшебная вещица понравилась.

– Слушай, дед, я тебе вместо сумы обычной еды пришлю. Много, на много лет хватит.

И не ушел до тех пор, пока с перепугу дед не отдал суму. Уж больно угрожать ему пан начал:

– Я солдат пришлю, закатают тебя на каторгу. Лучше отдай по-хорошему! – пристал пан, как банный лист.

Видит дед, что по глупости своей да доверчивости может потерять все, и отдал суму.

Месяц прошел, другой, а пан и не думает старикам взамен сумы еду присылать.

Обидно стало деду, да и баба попрекает:

– Отдал, а теперь что прикажешь делать? Иди к пану, кланяйся, проси вернуть суму. А не отдаст, то хоть взамен пусть

что-нибудь даст. Помрем, ведь, с голоду!

Делать нечего, отправился дед на поклон к пану, а тот и видеть старика не желает, смеется. Потом увидел, что дед не уходит, вызвал стражу и приказал отхлестать плетьюми просителя.

Вытолкали стражники старика за ворота, плетьюми пригрозили. А когда пошел, глумливо улюлюкали вслед.

Горько было деду возвращаться домой не солоно хлебавши. Бабка встретила его и давай успокаивать да уговаривать:

– Ладно, дед, не горюй! Иди в поле, поищи того журавлика. Добрый он, может, снова чем поможет нашему горю.

И вправду! Только вышел старик к просяному полю, видит, летит знакомый журавль.

Рассказал дед о том, как пан хитростью отобрал у него с бабой волшебную суму. Теперь они снова бедствуют, да и людям ничем помочь не могут.

– Как мне в глаза смотреть бабе своей? Как нам прожить? Может, есть у тебя еще одна такая сума?

Журавль был мудрый: понял, что тут другая волшебная вещь нужна.

– погоди, сейчас тебе другое принесу, потому что второй такой сумы у меня нет, – и улетел.

Вернулся, а в клюве у него серебряный рог торчит:

– Возьми этот рог и ступай снова к пану.

– А дальше что? – дед вертел в руках затейливо украшенную вещицу и думал, что ничего у него с этим паном не по-

лучится. Отберет он этот рог, а потом прикажет вытолкать взащей.

– Говорю тебе, иди с этим рогом к пану. Ты уже знаешь его характер. Потребует рог, а ты скажи: «Из рога всего много!» Потом увидишь, что получится. Нужно будет, скажешь: «Ох, всех в рог!» Все сразу станет на свои места.

Ничего не понял дед, взял рог, поблагодарил и пошел домой.

Идет, думает о странном роге, а навстречу ему приказчик:

– Что это у тебя в руках?

– Да вот, знакомый журавлик подарил, – и показывает приказчику серебряный рог.

А у того и глаза загорелись:

– Отдай!

– Не отдам! Меня пан и так уже обманул.

– А зачем тебе этот рог? Что ты с ним будешь делать? Может, из него золото сыпаться будет?

– Откуда я знаю!

– Так прикажи ему что-нибудь сделать! – и приказчик хитро подмигнул.

– Может, и правда, попробовать... – дед задумался, а потом протянул рог приказчику.

– Да ты сам скажи: «Из рога всего много!»

А приказчик возьми и крикни громко: «Из рога всего много!» Надеялся, что золото посыплется, а из рога выскочили двенадцать молодцов-удальцов и давай бить плетьюми

приказчика!

Взмолился жадный приказчик, воя от боли:

– Забери этот проклятый рог, прикажи оставить меня в покое!

А дед смеется, радуется, что хоть одного обидчика проучил. Подождал немного, а потом приказывает: «Ох, все в рог!» Понял, как теперь суму у пана забрать, и зачем журавлик ему этот рог подарил.

По приказу деда все молодцы-удальцы тут же назад в рог попрятались.

Отправился дед прямиком к пану, а там гостей видимо-невидимо. Лакомятся яствами из сумы, на деда поглядывают, смеясь, перешептываются.

Пан и спрашивает:

– Что, дед, снова за сумой пришел? Так незачем она тебе! – и хихикает, издеваясь.

– Да, пан, сума мне нужна. Не выживем мы с бабой без нее. Отдай!

– Ты что, еще плетей захотел? Стража, ну-ка, вышвырните этого дурака за ворота. Чтоб духу его больше в усадьбе не было!

Плохо пришлось бы старику, если бы не журавлиный подарок! Выхватил дед рог и крикнул: «Из рога всего много!»

Тут же выскочили из рока двенадцать молодцов-удальцов и давай плетями гулять по спинам стражников. Потом приступили к наглым, толстым гостям. И, наконец, дошла оче-

редь и до пана.

Всю горькую обиду старика выхлестали на панской спине двенадцать молодцов. Да так крепко, что пополз ужом пан к ногам деда: «Спаси! Забирай свою суму, только убери этих! – и пан с ужасом кивнул в сторону молодцов, которые решительно направились к нему снова.

– Ты, пан столько бед людям натворил, что забрать у тебя свое – этого мало!

– А что ты хочешь? Все дам: скотину какую, дом...

– Хочешь живым остаться?

– Хочу! Что сделать? Скажи только!

– Хочешь живым остаться – завтра чтоб и духу твоего в поместье не было! Все бедным людям отдашь!

– А где ж мне жить? – пан опасливо глянул в сторону молодцов, готовых тут же объяснить ему, где он будет, если не послушается. – Хорошо!

– Вот так-то! – дед рассмеялся и приказал: «Ох, все в рог!»

Молодцы тут же послушно спрятались в рог.

Дед вернулся домой веселый: и сума с ним, и рог!

А наутро пан исчез вместе с гостями и стражниками – вот как испугался за свою шкуру!

Наследство

Жил да был на свете мудрый старик. Было у него три взрослых сына. Вырастил старик сыновей, и пришла ему пора умирать. Всех троих отец любил, учил уму-разуму, хозяйство вели большое: и дом крепкий, и поля родили пшеничку исправно, скота в хлеву было много. Задумался старик: как ему все общее хозяйство на троих поделить, чтоб обидно никому не было. За старшего и среднего сыновей старик был спокоен: и трудились исправно, и голова на плечах была. За младшего сына отец беспокоился: ни пахать, ни сеять не любил, все на желейке играл, сидя на печи.

Вот позвал старик всех троих и говорит:

– Родные мои, всему я вас научил, что сам знал. Вы, старшенькие, уж и семьи свои имеете. Болит у меня душа за брата вашего младшего. Уйду я навсегда, кто вас помирят? Хозяйство, хоть и не великое, поделите, себе рады дадите, деток вырастите, а брата Иванушку не забудьте. Молод он еще, ума не набрался! А еще прошу вас мою последнюю просьбу исполнить. Когда помру, приходите три ночи подряд на мою могилку по очереди. Уважьте старика! И слова заветные при этом надо проговорить: «Землица сырая, расступись, крышка гроба, отворись, батюшка, ко мне явись!»

Сказал такие странные слова – да и помер.

Похоронили отца сыновья, сели да призадумались: «Что

за слова такие надо говорить? Да еще и на могилу ночью идти...»

Наступил вечер, надо старшему собираться на отцову могилу. Просит он младшего, Ивана:

– Ты все одно в поле не ходишь, все на желейке своей играешь! Сходи вместо меня!

Говорит старший брат, а сам слова женушки своей вспоминает: «Не ходи! Пусть Ивашка идет. Пропадет – никто жалеть не станет. А у нас детишки малые!»

А Иван, лежа на печи, отзывается:

– Как пироги есть – так сами, а как неведомо куда в ночь идти – так меня посылаешь!

– Сходи, Иванушка! – снова взмолился старший брат. – Видишь, меня жена не пускает!

Уломал-таки Иванушку старший брат.

– Только положите мне хлеба побольше да молока кринку налейте. А то невесело на кладбище ночью, хоть и к батюшке иду.

На радостях, что Иван вместо мужа пойдет, жена братова и хлебushка в белую холстину положила, и молока в кувшинчик налила.

Взял Иванушка еду да и пошел ночью к могиле батюшки. По дороге все слова припоминал, что отец наказал говорить, когда будут возле его могилы ночь проводить.

«Так, земляца сырая расступись...» – идет и бормочет Иван. Дальше забыл! Ну, что с дурака возьмешь! Ан, нет,

вспомнил! И снова идет да повторяет, чтоб не перепутать: «Землица сырая, расступись, крышка гроба, отворись, батюшка, ко мне явись!» А самому страшно так: темь вокруг – хоть глаз выколи, филин где-то вдалеке кричит, луна светит...

Наконец Иванушка добрался до кладбища, нашел отцову могилу и слова заветные произнес.

Страшно – не страшно, а поднялся отец из гроба и спрашивает:

– Почему ты, Иванушка? Я ждал старшего сына.

– Так жена не пустила его! И ее, живую, боится, и тебя, неживого. Вот, хлеба с молоком дали с собой, хоть наемся. Обижают они меня, батюшка...

– Зря меня не послушали. Будет тебе награда, Иванушка, что не побоялся, пришел. Есть неподалеку поле одно волшебное. Никто, кроме меня, про него не знает. Так вот, на том поле, на зеленой траве-мураве конь сказочной силы и красоты пасется. Пригодится он тебе. Хотел одарить старшего сына, да сам виноват. Теперь конь твой будет. Захочешь позвать его – свистни один раз, и он сразу прискачет. Любое твоё желание исполнит. А после – отпусти его снова тешиться изумрудными травами поля волшебного. Сила от той земли – немерянная!

Сказал отец – да и обратно в могилу лег. Крышка захлопнулась, землица холмиком сгорбилась.

Подивился волшебству такому Иванушка и решил отцовы

слова проверить. Отошел чуток в сторону да как свистнет одиножды!

Не успел и глазом моргнуть, а перед ним – конь невиданной красоты! Масти сивой, в лунном свете спина и бока крепкие серебром отсвечивают, а грива золотом червонным поблескивает!

Заржал нетерпеливо:

– Что надобно, добрый молодец?

Замер от восхищения Иван, а потом и говорит:

– Покататься хочу! С ветерком!

– Ну, садись да держись крепче тогда!

Взлетел на золотогривого коня Иван, и понеслись они в ночь. А потом к солнцу – и снова в ночь. Облетели весь свет, ни разу копытами конь земли не коснулся. Вернулись.

– А ты вправду молодец! – конь встрепенул гривой, в которой будто звезды запутались, поблескивая. На коже ни капельки пота не проступило – такой силы конь был!

Засмутился Иван:

– Да, ладно, иди в свою траву-мураву, гуляй да отдыхай. Может, сгодишься еще! – скормил коню остатки хлеб да с ладони дал молока попить.

Зашагал Иван домой, а как вернулся – сразу на печь. Жалейку снова из рук не выпускает, песенки незнакомые под нос мурлычет.

Братья с женами удивились: «Цел остался да еще и песни поет! Может, совсем умом тронулся!» – и смеются вти-

хомолку.

На вторую ночь пришла пора среднему сыну идти к батюшкиной могилке. Страсть, как не хочется: и боязно, и лень!

Решил и средний сын вместо себя Иванушку на кладбище послать. Как ни уговаривал – ни в какую Иван не соглашается. Тут вмешалась братнина жена. Давай умолять да на колени падать: «Сходи, мол! Что хочешь, проси за эту услугу...»

– Чего уж там! – согласился, наконец, Иван. – Два каравая хлеба и две кринки молока – тогда пойду!

Обрадовалась среднего брата жена, мигом собрала Иванушку – два каравая да две кринки молока не поскупилась, положила в мешок.

Снова Иванушка отправился к батюшке на кладбище. Темень вокруг, филин кричит еще пуще прежнего, луна светит всюю. И то хорошо: хоть дорогу видно!

Пришел к отцовой могилке, слова заветные проговорил – запомнил с первого раза. Все, как и в первую ночь: земелька разошлась, крышка гроба откинулась, вышел батюшка:

– Что так, Иванушка? А где средний сынок?

– Так этот брат тоже и тебя, и жену боится – вот и не пошел, меня уговорил.

– Ну что ж, видать, и сегодня подарок тебе будет. Слушай, сынок! Поле, на котором силушку и кони, и люди берут, многим помогало. Секрет этот тебе рассказываю. Выйди снова в это поле, свистни два раза – увидишь, что будет! – и снова

отец в могилу ушел. Крышка захлопнулась, а земляца сровняла место, а после холмиком поднялась. Будто ничего и не было!

– Может, мерещится мне все! – проговорил Иванушка, а сам решил проверить батюшкины слова. Пошел на волшебное поле, свистнул два раза. Откуда ни возьмись, конь гнедой масти появился: из ноздрей пар вылетает, из-под копыт искры высекаются. И так хорош конь был, что Иванушка залюбовался!

– И что тебе, добрый молодец, надобно? – человеческим голосом конь отозвался.

Не растерялся в этот раз Иванушка, по привычке уже:

– Хочу вокруг света на тебе верхом облететь!

– А удержишься? – лукаво сверкнул глазом конь-красавец.

– А то! – вскочил на коня Иванушка, к шелковистой коже прижался всем телом, и понеслись они вокруг света. Дважды сменились ночь на день, два раза облетели они свет, а конь и не запыхался.

– Умница, Гнедушка! – поблагодарил Иван друга сильно-го. – Вот тебе краюшка хлеба, с другом только так делятся. И молочка попей, отдышись. Отдыхай в полях своих травяных. А позову – прискачешь?

– Да, добрый молодец! Помогу, если нужда будет! – и умчался.

Третья ночка рядом с батюшкой была Иванушкина. При-

шел он, слова проговорил, как положено – все повторилось. Вышел отец и стал жалеть Иванушку:

– Не послушались сынки меня, не пришли. Да и тебя жалеть, выходит, кроме меня, некому. Быть посему: третьего коня, лучше прежних, тебе дарю. Только свистеть-кликать теперь трижды будешь, потому что в дальних лугах он в траве-мураве силу берет. Конь буланый, да не конь – огонь! Будь с ним поласковой. А ко мне больше не ходи, помни только. Прощай! – кинул последний взор батюшка на верного сына и ушел в могилу. Теперь уже навсегда.

В этот раз налетелся Иванушка верхом на буланом коне волю! словно крылья солнечного ветра паруса-гриву золотую по небу распустили. Три раза облетел Иванушка белый свет и времени не почувствовал.

Вернулись на заливной луг, а тут и утро настало.

– Прими мое угощенье! – Иван протянул коню целый каравай. – А молочком запей!

– Нужда будет, зови! – конь буланый копытом бьет, мало ему всю ночь было по свету мчаться, не притомился вовсе. Прыгнул – и растаял в утреннем тумане.

Возвратился Иван да на печь забрался. Жалейку из рук не выпускает, слова какие-то бормочет.

Братья даже распереживались: вот что теперь с хворым делать? Ни работы от него не дождешься, ни какого другого толку. Только хлеб даром есть будет. Решили его кормить помалу, чтоб перед людьми хоть совестно не было. Так, лож-

ку каши в день – и хватит.

Дома-то своя беда, а тут и в царстве неладно стало. Прошел слух, что царская дочка от безделья чудить начала.

Заявила царю, что замуж хочет. Да не за кого попало, а за того, кто с руки ее перстенок сорвет. А сама закрылась в опочивальне третьего яруса царских палат и из окошка выглядывает. Дивились люди: где ж такого коня взять, чтобы так высоко взлететь, однако засобирались многие. Отчего ж не попробовать!

Вот и братья тоже решили поехать, на царскую дочку, если удастся, поглядеть. Весело, все же, на удальца взглянуть: вдруг кому-то удастся дотянуться до заветного перстенька.

Иванушка просит:

– Возьмите меня с собой, братцы!

– Куда тебе! Там люди удалые будут, ловкие да умные – не чета тебе. Сиди на печи да обнимайся со своей желейкой. А будешь приставать – работать заставим.

Смешали братья два мешка: один с пшеном, другой – с маком. Насыпали все в одну бочку и говорят:

– Сиди и перебирай, коли делать нечего! Вернемся – чтоб все было порознь: мак отдельно, пшено – тоже!

И уехали вместе с женами в царскую столицу.

Полежал еще денек-другой Иванушка на печи. А потом заскучал. Решил тоже в столицу ехать. Слез с печи да в заливные луга подался. Пошел туда, где его добрые кони силушку набирали, где в траве-мураве катались.

Свистнул призывно Иван один раз – примчался тут же его Сивушка:

– Что прикажешь, Иван?

Свистнул два раза – Гнедушка прилетел:

– Что случилось, Иванушка?

В третий раз, и уже трижды свистнул Иван – прилетел, словно на крыльях, Буланушка.

– Видать, беда какая случилась?

– Нет, други мои верные, не беда, только помощь ваша мне нужна, – Иван ласково потрепал шелковистые, с золотым отливом, конские гривы.

– Говори!

– Жениться я надумал! А в жены дочку царскую хочу взять, – Иванушка смутился от слов своих и на затылке вихры потеревил. – Дочка царская мир решила удивить: взобра-лась в тереме свое на третий ярус и заявила батюшке-царю, придворной челяди да принцам заморским:

– За того замуж пойду, кто до окошка моего на коне доскачет да перстенок вот этот, яхонтовый, с руки моей снимет! – и рукой помахивает.

– Вот такая молва, други мои, кони милые, по свету пошла. Уж не вам ли за чудо до девицы допрыгнуть? Выручайте, Христом Богом прошу!

– Да легко! – отвечает Сивушка.

– Хоть сейчас! – подтвердил Гнедушка.

– Не горюй, справимся! – выбил искру копытом самый мо-

лодой – Буланушка. – Я первый попробую!

– Это дело! – Сивушка самый опытный конь был. – Пускай буланый порезвится. Только ты сперва принарядись: влезай мне в правое ухо, из левого выйдешь молодец молодцом.

Так и сделал Иванушка: в правое ухо влез, из левого выскочил таким красивым, таким нарядным, что ни в сказке сказать, ни пером описать!

Вскочил Иван на коня, а того и подгонять не надо – поскакал, словно полетел, земли не касаясь. Только ветер зашвистал в ушах Иванушки.

Оглянуться он не успел, как вот она, столица царская. На площади люд разный собрался, все на царевну смотрят. И братья там же с женами стоят, рты от удивления пораскрывали. Это что ж за молодец удалой тут выискался? Иванушку в красавце, что примчался на золотогривом коне, не признали. И народ заохал, глядя, как разогнался конь буланый да скакнул ввысь. Почти добрался до царевниной ручки с перстнем. Локотка не хватило!

Ахнули все. Да что поделаешь!

А царевна навзрыд: «Ах, ловите его! Ловите!»

Только, кто сможет ветер поймать?

Развернулся Буланушка, да и унес седока своего, Иванушку, назад, в луга заливные, где ждали кони златогривые – Сивушка да Гнедушка.

Чуть не плачет Иванушка: до того ему капризная царевна по душе пришлась, такой красавицей показалась!

Вернулись. Видят кони, что Иван чернее темной тучи.

– Не печалься, Иванушка. Пособим тебе, придумаем что-нибудь. Ты сейчас снова в ухо полезай, только теперь в левое сначала. Из правого собою прежним выйдешь.

Так Иван и сделал, а потом говорит:

– Мне братья трудную работку оставили: мак от пшена отделить. Как это сделать, ума не приложу...

– Ступай домой, – отвечал ему Гнедушка. – Не беда это! Придешь, расстели полотно, высыпь туда свою «работку» – мак с пшеном. И отойди. Увидишь, что будет!

Вернулся Иван и сделал, как Гнедушка велел. Вдруг видит: вихрь какой-то летит. Да прямо на него! А это не вихрь был, а Гнедушка просто ноздрями дунул. Сразу мак пересыпался отдельно, пшено – в другой кучке оказалось. Поблагодарил Иванушка коня, а сам сначала в ближний лесок сходил, грибов набрал, а потом еще и на печи с любимой жалейкой повалялся.

Тут заявляются братья с женами и давай его ругать:

– Ты что, провалялся все время на печи? Пшено и мак пересейл? Толку от тебя никакого!

– Пошто ругаетесь, все готово! Гляньте, а потом крик поднимайте! – засмеялся Иванушка и снова заиграл на своей жалейке.

Стали шептаться меж собой братья с женами:

– Никак ему леший какой-то помогает!

– Не иначе!

– А давайте вы, женушки, завтра сделайте вид, что с нами поехали, а сами за Иваном присмотрите.

Женам, конечно, страсть как хотелось на женихов царевны поглазеть, но тут тоже стало интересно. Вот и согласились.

Между тем, братья стали рассказывать, какой славный царевич едва перстенок с царевниной руки не снял:

– Такой красавец молодец, такой конь буланый под ним был!

– А царевна, чай, влюбилась, что кричала: «Ловите его!»

А Иван с печи:

– Может, то я был? – и усмехается.

Братья возмутились:

– Да куда тебе-то со свиным рылом да в калашный ряд!

– Чья б корова мычала, а твоя б молчала!

Долго еще братья с женами успокоиться не могли, все нахваливали ловкого наездника, что чуть было не сосватал царевну.

А та все тоже вспоминала кудрявого красавца на буланом коне. Вскоре снова заявила, что замуж, все-таки, хочет. Только еще труднее задачу придумала: забралась на четвертый ярус терема.

Снова съехались и ротозеи, вроде Иванушкиных братцев, и те, кто хотел бы стать женихом царевны.

Братья снова собрались, жены сделали вид, что тоже едут.

– Возьмите меня с собой! – просит братьев Иванушка.

– Вот еще! Сиди дома, а чтоб не скучно было, вот тебе новая работа.

Перемешали братья теперь мак с песком и приказали отобрать маковые зернышки. Да так, чтоб ни одна песчинка не попалась, когда проверять будут.

Ухмыльнулись хитро, сели в повозки да и подались в столицу царскую. И жен вяли. Только свернули на другую дорогу, жены прыгнули – и домой, за Иваном приглядеть, узнать, кто ему помогает! Вернулись, а Иванушки уж и след простыл. Пересыпал мак с песком в мешок и в луга заливные подался к верным своим коням.

Засвистал, как прежде: один раз, потом два раза, затем трижды. В мгновение ока примчались его верные Сивушка, Гнедушка и Буланушка.

– Что, Иванушка, будем царевну для тебя добывать?

– Да, други мои, запала она мне душу. Хочу жениться на царевне! Только теперь моя ненаглядная забралась аж на четвертый ярус терема. Как же словчиться и достать ее перстенек?

Сивушка и говорит:

– Так, тут расчет нужен да опыт. Пожалуй, Гнедушка справится. А тебе, Иванушка, снова нужно принарядиться. Полежай-ка! – и подставил правое ухо.

Иван в правое ухо влез, из левого появился. Да такой нарядный, ладный да пригожий стал Иванушка, что и солнышко, глядя на него, засияло да засверкало лучиками.

Вскочил добрый молодец Иванушка на гнедого коня и поспешил в царскую столицу на охоту за перстенечком яхонтовым царевны. Съезжались туда зеваки целую неделю, а Ивану спешить надо было, чтоб поспеть. Примчался он вовремя, с лету взлетел верхом на Гнедушке до четвертого яруса... Ах! На вершок не дотянулся, не смог перстень достать.

Заохали все внизу, заведев такое, а царевна – в плач!

– Ах, поймайте! Да догоните!

Пустое... Ускакал Иванушка верхом на гнедом коне сразу. Ищи теперь ветра в поле!

Иванушка вернулся к верным коням, поблагодарил за заботу да службу, попросил только с маком да песком разобратся.

Кони заржали, ноздри раздули, дунули – вмиг песок отсеялся! Взял Иванушка чистые зернышки мака, насыпал в торбу и домой пошел.

Приходит, а жены братьев как налетели курами бестолковыми, кричат-кудахчут:

– Ты где был? Куда мак подевал?

– Да забирайте свой мак! – кинул под ноги им мешок с чистыми зернышками мака и на печь забрался.

Тут и братья вернулись. Стали рассказывать, какой молодец едва-едва перстень не умыкнул с руки царевны.

Иванушка старую песню завел:

– А не я ли то был?

Что тут началось!

– Ты на себя посмотри, недотепа! Куда уж тебе до такого принца, что на дорогом гнедом коне чуть не в небо прыгнул! А Иван лежит на печи да усмехается.

Тем временем в царской столице совсем переполох начался.

Не спит царевна, не ест, все батюшку царя теребит:

– Достань да найди мне ловкого молодца!

Решила еще раз кликнуть всех ловких молодцев в столицу. Уговорила батюшку царя, чтобы тот вместе с ней пообещал и полцарства отдать. Царевна-то ладно, а вот полцарства обещанные десятки царевичей приехали отвоевывать, сотни королевичей, рыцари турнирные да люди знатные. А уж народу простого – толпа несметная. И братья Иванушкины явились вместе с женами. Бог с ним, с братом меньшим! Пускай лежит себе на печи, а Иванушка даже просить, чтоб с собой взяли, не стал. Только братья с женами – за ворота, а Иванушка – в луга волшебные, к любимым коням.

Засвистал разлиvisto – так, что травы-муравы полегли. Примчались кони резвые, сильные – Сивушка, Гнедушка да Буланушка.

– Знаю, что задумал ты, – говорит Сивушка. Тут не только сила нужна, тут мудрость, ловкость да опыт потребуется. Должен тебе сказать, Иванушка, что этот раз – последний. Получится – как сыр в масле кататься будешь сам да и нас не обидишь, думаю. Полцарством управлять – это не шутки, мы тебе верой и правдой служить будем, границы охранять

станем от врагов ближних и дальних. Давай-ка, наряжайся, полезай в ухо правое.

Сделал Иван, как Сивушка приказал – из левого уха богатырем и красавцем выскочил.

Взлетел на Сивушку, и полетели они в стольный град, царевну отвоевывать.

А царевна и вовсе чудное придумала: в окошке пятого яруса терема показалась да ручкой машет. Внизу толпа народу глазееет, а из гостей никто никак рискнуть не решается: слишком высоко забралась царевна, глумливо так перстенечком играет, посверкивает.

– Крепче держись! – заржал сивый конь да как взлетит к самому окошку, где царевна сидела!

Та и опомниться не успела, как Иванушка изловчился и снял с ее руки яхонтовый перстенок.

Пролетел Сивушка над головами зевак и умчался.

– Ищи, лови, хватай! – а Иванушки на коне и близко уже нету.

Царевна рыдает, руки заламывает, царь гневные приказы отдает, толпа внизу, у терема, совсем развеселилась.

Воротились Сивушка с Иваном на заливные луга. Поблагодарил милых коней Иван:

– Век не забуду!

– Перстенечек-то спрячь подальше, чтоб беды не было, – посоветовал Сивушка. Прыгнули кони, заржав, в высокие травы и растаяли в вечерних сумерках.

Вернулся Иван домой, а тут и братья с женами в ворота въезжают. Наперебой рассказывают, руками машут, а Иванушке смешно:

– Может, то я был?

У родственничков и слов не хватило – аж задохнулись от возмущения!

После пришли в себя:

– Сиди уж на печи, дурачок!

А в столице переполох не унимается. Царевна похитителя колечка требует, созвала сначала всех царевичей и королевичей и спрашивает:

– У кого мой перстенец?

Молчат все.

Потребовала, чтоб явились все рыцари, знатные люди, купцы, а потом и бедный люд собирать стала:

– Признавайтесь, у кого мой перстень!

Снова все молчат.

Заплакала царевна, да и ушла в дальнюю светлицу. Не ест, не пьет – вот как иссушил сердце царской дочке молодой удалец, что кольцом завладел. Не только кольцом, видать!

Чует Иван, что пришла пора ему к царевне наведаться. Сказал братьям:

– Ухожу я в столицу сам. Не особо нужны вы мне, оказывается. Разбирайтесь со своим маком и песком без меня.

Вышел к лугу, засвистел залиvisto. Прилетели все три коня.

– Други мои близкие, – говорит Иван, – душа рвется к суженой. Да и она полюбила меня, видать. Говорят люди, что совсем высохла от горя. Хочу явиться пред ее ясны очи, повиниться за тоску.

– Добро. Ступай! Только на этот раз тебе Буланушка понадобится, самый молодой он из нас. Иди без нарядов особых, такой, как есть, – сказал Сивушка и заржал громко.

Потом Сивушка повернул точеную шею к Буланушке:

– Оставишь его у бани, что близ царского терема. А ты, – тут Сивушка кивнул Ивану, – заберись в баню и сиди там тихохонько. Сиди и играй на жалейке, люди царевнины сами тебя отыщут.

Так все и вышло, как Сивушка сказал.

Не нашла своего суженого царевна ни среди гостей дорогих да знатных, ни среди людю простого. И вдруг слышит: играет кто-то так хорошо, так заманчиво... В бане чья-то жалейка о любви рассказывала!

Отправила царевна слуг туда, приказала привести хозяина жалейки.

Привели да в сторону кинулись: в рваной одежде, худой да невидный совсем человек оказался. Молодой, правда. И рукавицы почему-то не снимает!

Подошла к нему царевна, в глаза глянула. Потом сняла с его рук рукавицы, а там – ее перстенецк яхонтовый на мизинце посверкивает!

Засияла царевна, счастливо засветились глаза ее:

– Это он!

Потом повернулась к челяди:

– Расступитесь! Мы к батюшке идем, к царю!

А Иван стоит, как каменный:

– Чего я там не видел? Чтоб посмеялись надо мной? Ну, уж нет! Не пойду!

С трудом уговорила царевна Ивана пред светлы очи отца явиться, благословения попросить.

Царь увидел Ивана и осерчал поначалу:

– Дочка, ты кого мне привела в зятя? Твоей руки просили и князья, и царевичи, и купцы богатые, а ты выбрала нищего!

– Батюшка, у него мое колечко. Это он на коне летящем допрыгнул до пятого яруса и снял с моей руки. Значит, это судьба. Не перечь моей доле, прошу тебя!

Дочка младшенькая у царя – любимица. Не стал царь перечить, сыграл свадьбу знатную. Вот так и стал Иван царским зятем. Две-то старшие уж давно замужем были: за князем одна, а другая – королевича женой была.

Царь немолод был, стал задумываться, кому царство в наследство оставить придется. Собрал как-то раз зятьев своих и спрашивает:

– Лет немало мне, смерть не за горами. Кому ж из вас царство в наследство передавать придется?

Заспорили сразу меж собой старшие зятя: каждому хочется такой лакомый кусочек иметь. Видит царь, что раздор

пошел, стал условие свое говорить:

– Вот что, мои дорогие, мне не желания ваши нужны, а сноровка да умение. Царством управлять – не поле перейти. Кто из вас выполнит мое задание, тому и царством владеть. В тридевятом царстве, в тридесятом государстве есть свинка-золотая щетинка: рыльцем землю пашет, хвостиком боронует. Идет себе свинка, а за ней сразу пшеничка растет, в муку мелется. Пироги сами выпекаются, да такие, что на царский стол не стыдно ставить. Кто из вас такую диковинку добудет, тому и царство достанется!

У старших зятьев ума немного было: собрали по войску каждый да с музыкой впереди солдат пошли.

А Иван и думать об этой свинке-золотой щетинке не хочет.

Стала жена попрекать его: посмотри, свояки пошли добывать диковинку, а ты все сидел бы сиднем. Им батюшка царство отпишет, а мы что, сухари есть будем?

– Не хочу никакой свинки! Вот выдумали сказку!

Заплакала жена Иванова, а тот, знай, на жалейке играет. Прошло время, от старших зятьев ни слуху, ни духу.

Печалью наполнился царский дворец.

Говорит как-то Иван жене:

– Сходи-ка к отцу, попроси лошаденку. Поеду за свояками да за свинкой этой, будь она неладна.

– Поздно теперь: либо они свинку нашли и домой везут, либо сгинули. Не ходи! – испугалась жена за Ивана.

– Не перечь, ступай к отцу! А коли не даст лошадь, пешком пойду.

Делать нечего, пошла жена к царю.

– Батюшка, надумал Иван вслед за свояками ехать. Дай ему лошаденку какую-нибудь. Авось, не зря в путь собрался.

Царю не жалко: хоть какой-то толк от младшего зятя будет. Да любимице – младшей дочке отказать не смог.

Иван ходил-ходил вокруг этой клячи, что царь ему выделил, сел на нее задом наперед. Та с перепугу и рванула прочь под смех и улюлюканье дворни.

Только выехал Иван за околицу царской столицы, спрыгнул с клячи, хлестнул ее поводом:

– Иди, гуляй, болезная!

А сам засвистал по-молодецки, любимых коней созывая.

Примчались тут же и Сивушка, и Гнедушка, и Буланушка.

– Что задумал, Иванушка?

– Кони мои, други мои, – начал Иван. – в тридевятом царстве, в тридесятом государстве живет свинка-золотая щетинка. Рыльцем землю роет, хвостиком боронит, а следом пшеничка растет, в муку мелется, пироги сами по себе появляются. Да такие сладкие, что на царский стол не стыдно ставить. Как бы раздобыть эту диковинку? Жена поедом ест, батюшка ее условия ставит...

– Да, запросто! – отвечает Сивушка. – Тут и самый из нас молодой, Буланушка, справится. Только шелковый шнурок да кожаная плеточка понадобятся.

– Где ж их взять здесь в поле?

– погоди, сейчас добуду, – сказал Сивушка и исчез. Не успел и подумать чего Иван, как конь сивый воротился.

– Держи! – и протягивает Ивану и кожаную плеточку, и шелковый шнурок. – Твое дело, как только ее увидишь, покрепче стегать свинку плеточкой. А ты, Буланный, топчи покрепче ее копытами, иначе несдобровать вам.

Как прежде было, влез Иван в правое ухо коню, только теперь буланому, вылез из левого добрым молодцем. Вскочил на коня – и в путь!

Для молодого и горячего Буланушки семь верст – не расстояние: вмиг примчал Ивана в тридевятое царство, тридесятое государство.

Глядит Иван – и в самом деле, чудо-диковинка – свинка-золотая щетинка все делает, как по-писаному.

Подивился Иван, глядя, как действует свинка-золотая щетинка, а потом вспомнил, что Сивушка ему наказывал. Подполз к свинке и ну хлестать ее кожаной плеточкой! А Буланушка копытами норовит свинку потоптать.

Взмолилась свинка:

– Чем провинилась я перед тобой, Иванушка! За что так больно бьешь?

– Смирись-ка! Не то живой не уйдешь! – Ивану и самому жаль свинку, да приказ помнит.

– Ладно, – говорит свинка, – чего тебе надобно?

– Со мной поедешь! Царь-батюшка приказал тебя доста-

вить к нему, – с этими словами накинул свинке на шею шелковый шнурок. Сам вскочил на Буланушку, и отправились они в обратный путь. Иван на коне скачет, а свинка – за ними, едва поспевает.

Едет он так, в меру быстро, смотрит, а навстречу ему два полка с музыкой шествуют. Понял Иван, что это свояки только-только к тридевятому царству, тридесятому государству подбираются. Быстро соскочил с Буланушки, в одно ухо влез, из другого вылез – снова в себя обычного превратился. Буланушку отпустил траву пощипать подале, а свинку шнурочком к стволу дерева привязал. Потом костер развел – вроде как кашу варит да на жалейке своей играет.

Подобрались свояки со своими полками поближе, разведчиков подослали глянуть: кто это там костер развел.

Вернулись разведчики и докладывают:

– Иван там. И свинка-золотая щетинка рядом привязана.

Удивились свояки несказанно:

– Быть этого не может! Он же дома оставался!

Решили сами посмотреть, и если вправду Иван добыл свинку – отобрать.

Подошли. Точно, Иван. И свинка рядом привязана.

Поздоровались, а сами смотрят, как бы свинку отобрать. Стали сулить Ивану всяких сладостей, вина, даже золота. А Иван ни в какую!

– Не отдам, – говорит, и все! Самому нужна, тестю отведу, старика порадую! Что вам одна свинка? Там, – и Иван рукой

махнул в сторону лесочка, откуда пришел, — этих свинок — целое стадо!

А своякам много не надо — только одну. Не отстают от Ивана — и все!

— Ладно, уступлю вам эту свинку за один палец-мизинец с правой руки от каждого. Режьте — и забирайте животину редкую.

Долго думали свояки — больно же резать по живому, а потом все одно согласились: жадность одолела. Это ж каждому по полцарства теперь будет. И всего за один палец!

Отдали пальцы Ивану, отвязали свинку-золотую щетинку и домой заспешили. Даже полки свои вместе с музыкой побросали: сами как-нибудь доберутся!

Спрятал Иван пальцы свояков подальше в мешок, свистнул Буланушку, вскочил ему на спину — и скорей к дому.

Сваяки-то долго добирались, а Иванушка мигом домчался. Отпустил в волшебные заливные луга коня верного, а сам пешком домой добрался.

Жена увидела его голодного да оборванного, без добычи и без лошади, только руки развела:

— Что ж ты у меня такой неудачливый! А лошадь куда дел?

— А чего ты хотела? Разве на такой лошади далеко уедешь? Меня самого чуть волки в степи не загрызли.

— Батюшке-то что я скажу? Ни свинки, ни кобылы...

Много ли, мало ли времени прошло, а заявили, наконец, и свояки со свинкой-золотой щетинкой. Едва успели привя-

звать у крыльца царского, а она давай свои чудеса показывать: рыльцем землю роет, хвостиком боронит, следом пшеничка прямо рядом с крыльцом из земли лезет... И пироги, конечно, появляются. Словно из воздуха!

Царь не нарадуется. Тут же велел на пир гостей звать, чтоб чудо-свинку показать да пирогами угостить. Назавидовались гости, ведь ни у кого такой свинки нет.

Свояки после пира решили у царя своего добиться. Обещал ведь царство отписать! Пришли к нему и стали требовать, чтоб выполнил обещанное.

А царь и говорит:

– Нет, за царство одной свинки-золотой щетинки мало. Далеко за морем, слышал я от купцов, живет чудо-кобылица. Не скачет – летит, быстрая, как огонь. Гуляет она на волшебных зеленых лугах, в траве-мураве шелковой катается, силу набирает. А стерегут да приглядывают за ней двенадцать коней златогривых. Вот приведете ко мне ту кобылицу да табун коней златогривых, так и быть – отпишу на вас царство.

Делать нечего. Да и не поспоришь! Собрали свояки войско больше прежнего, музыку снова с собой взяли и пошли строем за кобылицей, как на войну. Люди вслед посмеялись да и забыли вскоре.

Только Иванова женушка не успокоится:

– Что ж ты, Иван, в первый раз удачу упустил, теперь тоже смотреть только будешь?

– Что тебе неймется? У меня ж войска-то нет, куда я без

войска подую? – хитро улыбается Иван.

Оставила жена Ивана в покое, а он через некоторое время ей:

– Попроси у отца лошаденку какую-нибудь. Уговорила, поеду вслед своим.

– Так они уже, небось, с кобылицей возвращаются, – смеется жена.

– Подумаешь, великое дело! Вот с ними тогда и вернусь!

– И что я отцу скажу? Что ты лошадей у него на прокорм степным волкам берешь?

– Да ладно тебе, царь не обеднеет!

Выпросила Иванова жена еще одну лошадку для мужа. Тот сел – лошадь едва не упала сразу, такая клячонка была. Отъехал Иван с горем пополам за околицу, слез с лошади да и отпустил ее на волю. А сам свистнул, призывая коней своих златогривых.

Примчались они, стал Иван рассказывать о кобылице да табуне златогривых ее хранителей.

– Вот новость ты нам рассказал! – заржал Сивушка. – Матушка это наша. Охраняют ее теперь девятеро братьев наших, а мы втроем тебе служим. Ничего страшного, поможем тебе. Только ступай назад да возьми у царя дедову цепь на двадцать пудов. Понадобится.

Вернулся в столицу царскую Иван да прямиком в хоромы к тестю. Сказал, что, мол, так и так, цепь требуется, коли хочет кобылицу иметь.

Царь удивился, но тяжелую цепь дал:

– Ишь ты, хитер, однако!

Вернулся Иван к коням. Сивушка и молвил:

– Сам с тобой поеду. Слушай меня внимательно: как только оседлаешь кобылицу – держись крепче! Будет она тебя носить по белу свету так быстро, что и слететь недолго. Да и жаром опалить может. Уж я-то матушку, как никто, знаю. Я буду рядом скакать, разговорами ее отвлекать. А коли догадается, что тебе помогаю, брось конец цепи мне. Ухвачусь зубами и держать буду за цепь. Не ручаюсь, что получится, но попробовать надо. Иначе загоняет она тебя, пока не свалишься где-нибудь в пропасть.

Случилось все так, как Сивушка предсказал.

Подкрался Иван да на кобылицу и вспрыгнул. Ох, что тут случилось! Сначала кобылица пыталась сбросить неожиданного седока, потом хотела его огнем из ноздрей пожечь, да не достала. И только после понеслась вскачь. Да так быстро, что ветер свистал в ушах. Чудом Иванушка держался за ее роскошную гриву, несколько раз чуть было не слетел со спины чудо-кобылицы. Уж не помнил Иван, сколько раз она вокруг света его пронесла, только почувствовал, что слабеет. Еще чуток – и сбросит кобылица его со своей спины. Вовремя про цепь вспомнил. Бросил конец Сивушке, что рядом несся. Ухватил тот цепь за конец зубами – потише пошла кобылица. Сынок-то ее, Сивушка, тоже был силы немереной!

Устала, наконец, кобылица, остановилась и спрашивает:

– Ты кто такой? Что тебе от меня нужно? – это она к Ивану обратилась. А потом и у сыночка спрашивает:

– Почему человеку помогаешь? Даже против матери пошел!

Сивушка отвечает:

– Служу я, матушка, хорошему человеку. Батюшка его добрый был да помер. Да и Иван зла никому не причинял. Ты учила добро нести.

– Так объяснить сразу надо было, зачем по свету носились впустую?

– Боялся я, матушка, что осерчаешь, – и Сивушка голову опустил.

– Ладно, что с вами делать! Рассказывайте!

Поведал Иван историю свою, о наказе тестя рассказал, о жене, царевой дочери любимой.

Говорит кобылица:

– Ладно, послужу тебе да твоей женушке любимой. О тебе больше и не заикайся: царство получишь, и нам вольготнее не лугах будет. Поехали!

Отправился Иван на кобылице верхом назад, в свое царство. За ними – Сивушка да еще девятеро братцев, коней златогривых.

Вдруг видят: по дороге, из-за холма войско огромное движется, и музыка духовая играет.

Понял Иван, кто это, отпустил Сивушку пастись неподалеку, а сам костер разжег, похлебку варит.

Дым от костра далеко виден. Отправили свояки разведчиков, чтоб разузнали те, кто там, впереди.

Разузнали разведчики все, вернулись доложить:

– Это Иван на костре похлебку варит. Рядом кобылица славная, а еще девятеро златогривых коней пасутся неподалеку.

Удивились свояки:

– Почему только девять? Ведь их должно быть двенадцать!

Решили свояки сами поближе подойти да расспросить Ивана, что да как.

– Ну, ты, Иван, и ловок! Неужто кобылицу обуздал? Хороша, однако! – а сами в глаза Ивану не смотрят, замышляют что-то.

– Ничего удивительного, – признался Иванушка. – Да, там еще много лошадей! Я одну только взял да девять коней впридачу. Ваша добыча еще вас ждет! – и усмехнулся.

И виду не подали свояки, что знают, какую кобылицу Иван ведет к тестю. Давай его уговаривать, уламывать, чтобы уступил им именно эту.

– Ладно, – отвечает Иван, – берите. Только за нее по пальцу-мизинцу с правой руки отдайте.

Те и рады: зато царство теперь им принадлежать будет.

Отрезали свояки по пальцу да и отдали Ивану. Тот в мешок спрятал и своей дорогой пошел.

Вернулся домой, как и в прежние времена, раньше своя-

ков.

На пороге жена встречает:

– Ну что, Иванушка? Снова ни с чем заявился? Хоть бы ту клячонку привел, чтоб отцу отдать.

– Нечего отдавать: издохла она от старости по дороге. Отнесу-ка я батюшке нашему хоть цепь, что брал на время у него.

В этот раз недолго пришлось ждать свояков: и сами живехоньки-здоровехоньки, и кобылицу знатную привели. Рады без меры – царство им достанется!

А царь злится, в руках перо да бумагу вертит, а отписывать царство не хочет.

– Вот что... – начал он, а зятья переглянулись: старик издевается над ними, что ли? Еще что-нибудь придумал?

И точно!

– Вот что, зятья мои дорогие! Всем вы мне угодили, но есть еще одна вещь, которую я хотел бы иметь. Сделаете – царство ваше!

– Говори, батюшка, – от злости одного из зятьев аж перекосило. Второй бледный стоит, слова в глотке застряли.

– Так вот, – продолжал царь, – за тремя синими морями, за горами высокими, что кажется, небо держат, живет свирепый лев. Цепи крепкие держат его у колодца, а двенадцать слуг воду ему носят и днем, и ночью. Не простой это лев, волшебный: воду пьет – все болезни и у людей, и у скота забирает. Приведите этого льва сюда, тогда и о царстве пого-

ворим.

У обоих свояков одновременно мысль мелькнула: «Иван добудет, а мы у него заберем, чего бы это ни стоило!»

Согласились, собрались и поехали.

А жена Ивану снова житья не дает:

– Ну, что ты себе думаешь? Все лежал бы да лежал! И жалейка твоя уже надоела мне – слышать больше не могу! Ступай, приведи льва! Не милостыню же на старости лет просить.

– Так подаянием тоже люди живут. Что здесь такого страшного! Проживем как-нибудь без этого льва, – и снова улегся.

Жене уж и надоело подталкивать Ивана, успокоилась.

Через пару месяцев он вдруг сам попросил, чтоб у отца лошадь взяла.

– Ну, уж нет! Не пойду больше к батюшке позориться. Хочешь идти – иди, только пешком. Все равно от тебя никакого толку.

Иван и спорить не стал. Встал, оделся, обулся, подпоясался да и ушел. Выбрался на околицу, кликнул своих верных друзей – коней златогривых. Рассказал Иван им о новой задаче, что тесть задал.

Сивушка и говорит:

– В этот раз на гнедом коне поедешь. Доберешься за три синих моря, за высокие горы – коня отпусти, а сам напросись поить льва. Возьмут тебя, улучи минутку и вот этим мо-

лотком разбей цепи. Молоток не простой – каменную стену прошибает с одного удара.

– Спасибо, братец! – отвечает Иван Сивушке. – Уж сколько раз выручали вы меня, смогу ли отплатить добром так же?

– Спеши, потом разговоры разговаривать будем, – сказал Сивушка и весело заржал.

– И то, правда! – и Иван вскочил на гнедого коня. Тот мигом перенес Ивана через три синих моря, в мгновение перелетел через высокие горы.

Колодец, льва и людей, что воду ему носили, увидел Иван сразу. Поздоровался, попросился помогать.

– Не получится одному справиться! Мы вот день и ночь носим воду, а ему, – и люди кивнули в сторону льва, – все мало!

– Вы царю доложите, что, мол, один хочет нас всех заменить.

Отправили гонца к царю, а тот обрадовался:

– Пусть носит! Устали уже все от тяготы такой. Три дня продержится – и хорошо!

А Ивану только того и надо.

Отошли люди в сторонку, наблюдают. Видят – справляется. Рассказали царю, а тот удивился:

– Посмотрим, что завтра будет!

Ночью, когда все остальные уснули, Иван стал уговаривать льва бежать:

– У нас в царстве тебе лучше будет. Давай убежим!

До рассвета уговаривал – согласился лев. Ударил всего один раз по цепи Иван – рассыпалась привязь на мелкие ку-сочки.

Вскочил Иван верхом на льва, и полетели они назад, через высокие горы, через синие моря – домой, в родное царство.

Странно, но совсем неподалеку от царской столицы уви-дел Иван свояков. Те даже не пытались искать льва, а просто ждали Ивана. Уж как они его уговаривали, на колени пада-ли: «Отдай льва!»

– Да что же это вы такие ненасытные: все отдай да отдай! Жена совсем заела меня: ни на что, говорит, я не способен.

А свояки все не отступают – упрашивают: «Отдай!»

– Ладно, уговорили, – согласился Иван. – Только теперь по куску кожи со спины вырежете, тогда соглашусь.

А свояков такая жадность одолела, что и кожу себе поре-зать согласились.

Эти страшные два куска кожи Иван спрятал глубоко в тор-бу. Только отъехали свояки, кликну-свистнул верного Гне-душку, вскочил верхом – да поскорее домой!

Лишь в ворота вошел, а над ним даже слуги давай смеять-ся:

– Три дня погулял и вернулся к жене.

А жена – в слезы:

– На посмешище нас выставил!

А Ивану хоть бы что:

– Да пусть смеются, лишь бы не плакали!

– Подожди, заплачем, когда есть нечего будет – своякам с сестрами все царство достанется!

– Не горюй – проживем!

Ничего не поделаешь – жена и успокоилась.

Тут, как назло, с музыкой и песнями, ведя в поводу льва, свояки вернулись. Собрались все цари, что по соседним царствам жили, принцы и короли, купцы да знать всякая. Три дня пировали без продыху, дивились на заморские диковинки.

Посылает за Иваном да младшей дочкой царь советника своего:

– Зови Ивана да любимую дочь, пусть слушают, кому я царство отписывать буду.

А Иван не пошел. «Не хочу!» – говорит. Еле жена уговорила:

– Хоть клочок земли попросим. Жить-то надо где-то!

Поднялся Иван в царские хоромы, стоит в уголке, слушает.

А царь с речью выступил:

– Слушайте все! Зятьям старшим и моим дочкам, их женам отдаю навечно все царство. Мне, кроме хлеба и милости вашей, ничего не надо.

Важно поклонились зятя, поблагодарили.

– А мне, отец, что-нибудь подаришь? – это Иван проговорил, выступая из уголка на видное место.

– Ничего тебе не дам! Лежа на печи, царством не управ-

ляют, – сказал царь, как отрубил.

– Интересно, батюшка, а за что своякам моим такая честь – царство в дар?

– Как это за что? Все редкие диковинки мне добыли!

– Они добыли? Вот новость! Да они у меня и свинку, и кобылицу, и льва выпросили! Никуда они не ходили, ничего и никого не добывали. Обменялись у меня на кое-что. Батюшка, вели им сапожки-то снять да и перчаточки с рук отдать.

– Это еще зачем? – удивился царь. – Ну-ка, снимайте перчатки, сапоги тоже! – приказал.

Батюшки-светы, и вправду: на ногах-руках пальцев нет.

– Это они за свинку и кобылицу мне отдали, – сказал Иван и достал из торбы пальцы свояков.

Те стоят, как столбы вкопанные, бледные...

– А вот еще куски кожи со спин! – и Иван стал доставать свернутые куски кожи.

– Не надо, верю! Ах вы, негодяи! – закричал царь. – Обманом хотели заполучить царство! А ну, вон из моего дома и из моего царства!

Так и выгнал их прочь с глаз.

– Иванушка, а почему только девятеро коней ты привел?

– Так трое из них мне уже много лет служат! – вышел Иван на крыльцо, свистнул по-молодецки. Примчались, сверкая золотой гривой, высекая искорками-звездами из копыт, кони друзья Иванушкины – отцов подарок.

– Вот тебе, Иванушка, и владеть всем царством, – сказал

царь.

Сестрица

Близко ли, далеко ли, а в одном селении жили мужик с бабой. Мирком да ладком жили, но кручинились частенько. Дочка Аленка, как могла, веселила их: сказки родительские слушала да им пересказывала.

Одного Аленка понять не могла: почему соседи не Аленкой зовут ее, а Крапивницей. Крапивница да Крапивница! Прибежала однажды Аленка к матушке, плачет и спрашивает:

– Матушка, почему все меня Крапивницей кличут? Ведь меня Аленкой звать!

– Не сердись, доченька, – отвечает мать, – растешь, как крапива у ворот: ни братьев, ни сестер у тебя нет!

– А почему у меня нет ни сестер, ни братьев?

– Есть братья. Жили с нами три твоих брата до поры до времени. Налетела однажды страшная буря. Только не буря это была: стая черных драконов! Налетели, все дома пожгли огнем. Людей тогда много полегло, чай, все! Вот мы с бабушкой остались... А братья твои в бой с драконами вступили, многим из них головы порубили, а потом братья пропали. Горестно думать, что погибли они. Может, живут где-то, о нас думают...

– Матушка, не хочу Крапивницей жить, пойду братьев искать!

– Аленушка, милая, коли б знать, где искать, так давно б уже я пошел да нашел, – батюшка ласково погладил Аленку по русской головенке.

– Пустите меня, я найду, – стала умолять Аленка родителей. А им страшно было и дочку потерять, долго не соглашались. Потом видят: не пустят – сама уйдет!

– Ладно, – как-то однажды матушка сказала. – Иди! Только Сивку бери, пешком долго не походишь. Вдруг в дальние края придется идти.

– Спасибо, матушка! Благослови, батюшка! – бросилась на шею родителям Аленка.

Собрали Аленку в дорогу, хлебушка дали, молочка, а водицу сама найдет по дороге.

Вот отправилась Аленка в путь. Сивка рядом, а тут еще и собака домашняя, Лыска, следом увязалась. Радуетесь Аленка: все же веселее, не так страшно!

Долго ли коротко ли шла Аленка, только притомилась, на спину Сивки взобралась. Лыска рядом бежит, зорко в степь поглядывает: вдруг волки!

Вдруг видит Аленка, впереди перекресток. Куда же направиться?

Спросить решила Аленка у Сивки:

Сивушка-голубушка,

Мне дорожку укажи,
Братьев где искать-
Скажи!

Сивка умницей была, мордой влево повела. Заржала – путь указала!

Обрадовалась Аленка, повернула влево. Долго ехала Аленка полями заливными, лесами густыми, мимо озер глубоких, вдоль ручьев прозрачных. В сумерках уже увидела избушку, обрадовалась несказанно: будет, где переночевать, матушкиного хлебца поесть да друзей верных – Сивку и Лыску – покормить.

Слезла, еле живая от усталости, с Сивки, в избушку вошла. А там – старая, костлявая, с длинным носом, что к узкому да беззубому рту свесился, бабка сидит.

– Чего тебе, девонька? – спрашивает, а сама злыми глазами смотрит.

– Да вот, братьев своих пропавших ищу. Не знаете, где они?

– Не знаю. Оставайся ночевать, завтра с утра вместе пойдем искать.

– Спасибо, бабушка, только матушка не велела нигде ночевать. Надо бы идти дальше! – и заплакала.

– Куда ты, на ночь глядя, пойдешь? Волкам на поживу, что ль?

Осталась Аленка. Вышла только Сивку в луга выпустить, чтоб свежей травки пощипала да в ручье воды напилась. А еще хлебушка, что матушка с собой в дорогу дала, Лыске дала. А та щерится, рычит и на избушку косится. Не нравится ей, видимо, хозяйка избушки. Тявкает как-то складно да понятно:

Не ложись в избушке спать,
Не велела ночевать
Матушка родимая.
Тяв, тяв!

Погладила Аленка Лыску, но не послушалась, ушла в избушку ночевать. Пока не уснула, все рассказывала старухе про матушку да батюшку, про братьев, что пропали так давно. Не заметила, как в сон провалилась, а бабка, оказывается, настоящей ведьмой была. Обрадовалась, услышав о братьях.

– Это они со свету всю мою родню сжили! Вот теперь поквиताюсь! – и от радости руки потирает.

Утром вскочила ведьма ни свет ни заря, одежду нарядную, в которой Аленка к ней пришла, спрятала, а ей обноски старые да рваные кинула.

Проснулась Аленка – хватъ, а одежды ее любимой, что матушка сшила, нет!

– Где мое платьице? – спрашивает у бабки.

– Надевай, что есть! Чай, не на праздник собралась – по чащобам рыскать придется! – и расхохоталась ведьма, довольная, что отобрала красивое платьице. Сама-то нарядилась, что на ярмарку.

Делать нечего: надела рванье на себя Аленка да пошла запрягать Сивку. Старуха, тем временем, под юбку нож да толкач спрятала – пригодится, небось!

Уселась ведьма в повозку, как барыня, а Аленке приказала с лошадыю управляться.

Ох, не нравится Лыске ведьма старая: рычит на нее, чует злобную душу и мысли подлые. Бежит сбоку и лает:

Барабаха темной ночью
Ножик и топор заточит.
Уходи, Аленка, прочь,
Или утром или в ночь!
Тяв, тяв!

Ведьма Барабаха и впрямь в мыслях такое держала, потому схватила толкач да как швырнет в Лыску!

От боли завизжала собачка – лапку перебила ей злая старуха. Хотела Аленка соскочить, перевязать да в повозку Лыску взять, а Барабаха как закричит на нее:

– Ну-ка, на место! И сиди тихо, пока жива!

Заплакала Аленка – никто никогда с ней так грубо не об-

ращался! И Лыску жалко. Смотрит Аленка, а собачка верная следом, на трех лапках, но все равно бежит.

Далеко ли, близко ли проехали – снова развилка.

– Куда дальше? – растерялась Аленка, Сивку верную спрашивает:

Сивушка-голубушка,
Снова путь мне укажи!
Братьев где искать,
Скажи!

Сивка аж затанцевала и направо показала. А дорога была в рытвинах да ухабах, через темную дубраву вела, потом мимо болота на луг.

Видит Аленка, а на лугу три коня пасутся, на пригорочке шатер стоит. Обрадовалась:

– Братики миленькие!

А ведьма как дернет Аленку за косу тяжелую:

– Сиди молча! Здесь мои братья живут – не твои!

Слезла ведьма с повозки, сама пошла к шатру, а Аленке приказала сидеть на облучке.

Вышли три добрых молодца из шатра. Да такие крепкие, красивые – кровь с молоком!

– Чего тебе, бабушка?

– Аль не признали? Да сестрица я ваша, любезные вы мои!

Полсвета прошла, вас разыскивая, состарилась совсем в дороге, умаялась, а вы вон как встречаете!

– Ты жива после той бури осталась?

– Да что ж с тобой такое случилось – старая совсем?

– Не может быть... – это третий, самый старший, засомневался.

– Да я это, братцы, я! – старуха кинулась молодцев обнимать, чтоб совсем не засомневались, на нее, сморщенную, глядя.

Завели старуху в шатер, а та давай пересказывать, что от Аленки слышала. Совсем сомнения пропали у братьев.

Старший спрашивает:

– А кто та девица, что лошадей правит?

– А так, наняла одну попрошайку, – и сверкнула злобно очами.

– Уж мы так по матушке с батюшкой соскучились! Вот еще ведьму старую, Барабаху, изведем, и домой поедem, – и старший допытливо так, внимательно, глянул в очи ведьмы. Та быстро взгляд отвела.

– Ну, и ладно, – средний брат говорит. – Пускай твоя наймичка и наших коней попасет.

Ведьма вернулась к Аленке и пригрозила:

– Мои братья строгие! Чуть лишнее что скажешь – вмиг язык тебе отрежут! И не суйся к шатру, коли жить хочешь!

А сама уже размечталась, как изничтожит и братьев, и девчонку эту настырную.

– Зарежу ночью – и все!

Плачет на лугу Аленка, про матушку, батюшку да братьев
думу думает. А Лыске травками лапку больную лечит.

Солнышко ясное,
Сырая земляца,
Мелкая росица,
Что матушка делает?

Ответили и земля, и солнце:

Матушка,
Холсты ткёт,
Золотом-узором
Вышивает,
Аленку
С братьями ожидает...

Услышал разговор Аленки с солнышком, земляцей и росицей старший брат. Вышел и прислушался: голос-то знакомый! Да приговорки матушкины помнит хорошо.

Вернулся в шатер и говорит:

– Что-то до боли знакомый голосок у девицы этой! Да и

слова знакомые – матушка говаривала...

Запылало злобой ведьмино лицо, изрытое морщинами, выкрикнула:

– Девка эта хитрая да ленивая! Меньше слушайте ее!

Средний брат не выдержал, вышел послушать голос Аленки. Старуха за руки братьев хватает, выходить не дает. И младший вышел, отвел крючковатую руку старухи – и вышел.

Слушают братья Аленкин плач, а тут и Лыска заскулила:

Ведьма Барабаха
С братьями сидит.
Ночь придет – зарежет.
Братьям отомстит.
Тяв, тяв!

Повернулся средний брат и говорит старшему:

– Что-то тут не так!

Переглянулись братья – и все поняли! Да это сама ведьма Барабаха их за нос водит, хочет отомстить за своих родичей – нетопырей!

Кинулся младший брат к Аленке, обнял ее, защищая, а старший и средний братья схватили ведьму и в костер бросили. Пепел потом в чистом поле развеяли, чтобы мерзким духом ее и не несло по округе.

Сестрицу свою настоящую обняли и поцеловали.

– Ну, что ж, – говорит старший брат. – Теперь можно и к матушке с батюшкой возвращаться.

Сели они на своих коней, Аленка с Лыской на руках в повозку села. Сивка – мудрая лошадка – следом за братьями пошла.

Вернулись все к матушке и батюшке. Теперь никто Аленку больше Крапивницей не называет: есть у нее братья!

Василь и трехглавый змей

Жили-были в одном благодатном краю люди. За землицей ухаживали любовно, потому не бедствовали. Все у них было: и хлебушек, и пироги на праздники, одевались красиво и добротнo, ярмарки устраивали, пели и плясали.

Бедa пришла, откуда не ждали. Прилетел, невесть из каких краев трехголовый змей. В темном дубовом лесу вырыл себе под скалой лежбище, выжег вокруг деревья и трое суток отсыпался. Проснулся голодный, злой, полетел над хлебосольным, добрым краем и давай жечь все вокруг.

Страшно на него было даже издалека смотреть: клыки огромные из пасти торчат, из глотки огонь вырывается, и гром такой среди ясного неба, что скотина, услышав, замертво падала.

Удивились такому чудищу люди, а потом испугались во все. Особо змей страху нагнал, когда смертной карой грозить стал и потребовал, чтобы люди каждый день по три раза сгоняли скотину ему на прокорм. То ему овцу надо, то корову, то коня или свинью. Много у людей домашнего скота было, да и тот скоро закончился – весь этому прожорливому чудищу скормили. Чтоб на людей глаз свой злой не положил, да же собак и кошек ему отдали.

Что дальше делать, никто не знает. Нечего змею отдавать, самим бы выжить.

Настал день, когда змей ненасытный за людей принялся: ухватит с лету зазевавшегося человека, порвет клыками да в нору свою утащит.

Люди совсем веру потеряли, бегают по закуткам да подвалам, прячутся. Не стало житья вовсе!

В то лихое время занесло каким-то ветром в неприятный теперь край человека по имени Василь. Бывал он раньше в цветущем краю, а теперь на могильной земле оказался. Кого ни спросит, в чем дело, отмахиваются люди и бегут, прячутся.

Застал как-то Василь семью, что от горя уже ничего и никого не боялась: вырезал трехглавый змей почти всю их семью. Сидят на лужайке перед своим домом и плачут, слова сказать не в силах.

Отворил калитку Василь, зашел и присел рядом. Послушал, как голоса женщины, и единственного молодого мужика, что в живых остался, спрашивает:

– Что у вас тут за беда? Отчего люди горюют так и кого боятся смертно?

Рассказал мужик Василию о трехголовом змее, что изничтожил весь скот и до людей добрался.

– Много повидал я зла на земле, попробую отвести от вас эту напасть, – горько было Василию видеть, как гибнут прежде такие веселые и хлебосольные люди.

Взял он палицу дубовую с острыми шипами на конце да к лежищу змея подался.

Змей увидел его с этой дубиной да как расхохочется:

– Ты чего сюда с этим прутиком появился? Никак пощекотать меня задумал?

– Убирайся-ка ты, змеюка, отсюда подобру-поздорову! – Василь крепкий был, не робкого десятка молодец.

– Ух, ты! Грозный какой! Да я тебя сейчас мигом в пепел сожгу да по ветру пушу. И собирать нечего будет!

– Отродье ты, змей, гадючье! Не таких, как ты, бил да рубил. Тоже все выхвалялись поначалу! – и Василь смело пошел на чудище.

– Иди сюда, иди поближе... – прошипел змей, – я сегодня еще не завтракал!

И вдруг как свистнет! Да так сильно, что деревья наклонились, листья зеленые облетели, словно осенние ветры задули.

Подломились у Василя ноги в коленях, прижало его к земле, будто в сухую былинку враз оборотился.

Вскочил Василь, лишь только страшный свист прекратился, и к бою приготовился:

– Да такой свист, что мышинный писк! – говорит он змею. – Вот сейчас я засвищу! Ты только приготовься: глаза завяжи, а то брызгами разлетятся от моего свиста.

Оторопел змей да растерялся слегка: завязал платком желто-горячие глазищи свои.

А Василь мигом подскочил да как со всего размаху ударит змея по голове – у того из-под повязки из глаз искры поле-

тели да землю на локоть вглубь прожгли.

Сорвал змей платок с глаз, удивился:

– Ты что, сильнее меня?! Быть такого не может! Давай-ка, еще другое сделаем. Вот ты можешь, например, быстро камень раздавить?

С этими словами змей оторвал огромный валун от скалы, под которой нору себе устроил. В одной лапе держит, а другой как ударит по камню – так в крошки валун и разлетелся!

– Видел? – шипит злобно змеище.

– Да так может каждый ребенок, не то, что я! – рассмеялся Василь. – Ты попробуй сжать его так, чтоб вода из него рекой потекла! Тогда, может, и поверю в твою силу.

Совсем перетрусил змей, взмолился:

– Слушай, Василь, убери ты свою дубину с колючками. Проси, чего хочешь! Послужу тебе.

– Не надо мне ничего от тебя. У меня дом – полная чаша, все есть! Не веришь? Поехали – покажу, сам увидишь.

Змей то ли поверил, то ли не поверил, но ведь не завтракал еще – добыча все равно нужна! Хитро глянул на Василя и говорит:

– Ладно, поехали, покажешь, что там у тебя есть!

Сел Василь в повозку, а змея запряг вместо лошади. Правда, дубину из рук не выпускает.

И вот змей по-над землей летит, сбруей увешанный, а за ним повозка с Василем.

Долетели-доехали так до опушки леса, а там быки и коро-

вы паслись, которых люди в лесу от змея прятали.

Увидел змей такую добычу, аж клыками заскрежетал! Из упряжи бы вырвался, да в повозке Василь сидит со своей страшной дубиной!

Стал змей Василя уговаривать:

– Поймай мне быка, есть же хочется!

Василь сделал вид, что пошел быка ловить, а сам уселся и лыко стал драть. Ждал-пождал змей да не дождался: голод – не тетка! Схватил змей одного быка и поволок к повозке.

Тут, наконец, вышел Василь из лесу, а руках лыко держит.

– Это еще зачем? – спрашивает змей.

– Да сделаю веревку, свяжу с пяток быков. Чтоб добыча, так добыча была!

Засуетился змей:

– Зачем так много, вот и одного хватит! Принеси пока дров, на костре жарить быка будем.

Пошел Василь в лес, уселся под дубом и ворон в небе считает.

Не выдержал змей, подлетает к Василию:

– Чего так долго ходишь?

– Да не хожу я, не видишь, что ли? – смеется Василь. – Думаю!

– Чего тут думать, отошал я с тобой! – злится змей.

– Думаю, что лучше пяток дубов на костер взять...

– Да зачем нам столько! И одного хватит! – змей от ярости схватил дуб и вырвал его с корнем.

Наконец, змей изжарил быка и зовет Василя:

– Угощайся!

– Нет уж, дома обедать буду. Твой бык мне на один зуб, на полукуса.

Проглотил змей быка и вкуса не заметил – мало!

Едут-летят дальше. Вот и показалась уже изба Василя, где он с женой и детками живет. Увидели детишки летящего змея да родного батюшку – радуются, бегут навстречу, смеются, кричат что-то.

Змей ничего не разобрал в их крике, спрашивает у Василя:

– Чему они так радуются?

– Так они знают, что всегда им гостинцы везу. Сладкое любят, но и мясцу обрадуются.

– Я всего целиком быка съел-то, нету мясца! – не понял змей.

– Вот я тебя вместе с быком и подарю деткам, пускай полакомятся!

Только и успел Василь проговорить, как змей сорвался в небо, сбросив того с повозки.

Не удержался змей: телега-то вниз тянула. Упал прямо в болото, где и дна-то не было.

Так и сгнуло кровожадное чудище.

А люди снова зажили богато и счастливо.

Волшебная сила

Никто в свете не знает, где и в чем есть волшебная сила. Такая сила, что чудеса и с людьми, и со всем живым и неживым творит.

Родился среди людей мальчик, который сызмальства и не знал, каким даром владеет. Любил он слушать звуки разные: как пчелы гудят, как травы шелестят. Слышал чутким ухом, как солнце лучами звенит, ветер шепчет, и звезды разговаривают, перемигиваясь.

Подрос мальчик, стал пастушком. Срезал он однажды из камышины дудочку. Взял ее в руки, приложил к губам, и полились такие волшебные трели, что соловьи заслушались. А быки да коровы, которых он стерег, перестали щипать траву, подняли свои рогатые головы и стали слушать. В лесу птицы притихли, как перед грозой, а в пруду лягушки примолкли, боясь спугнуть такую красоту.

Прослышали и люди о волшебной музыке, которая получалась у мальчика, благодаря обыкновенной дудочке. Парни и девушки стали звать мальчика с собой в ночное. Кони пасутся сами по себе, а молодцы да девицы слушают да подчиняются чародейной силе музыки. Заиграет на дудочке мальчик веселое что-нибудь – в пляс пускаются, грустное да нежное – замирают от счастья. Умела эта музыка и грусть-печаль прогнать, и радостью душу осветить.

Слушают люди, шелохнуться не смеют, чтобы не спугнуть наслаждение. О сне и еде забывают, об усталости и болезнях не думают.

Смолкнет дудочка – будто светлое и теплое из жизни исчезает, сразу грусть-тоска хватается своими когтистыми лапами. Мужики, бабы, дети, скотина, травы, ветер – все бы слушали и слушали волшебные звуки бесконечно! Всю жизнь!

Таким вот волшебным даром владел мальчик. Подрос, стал взрослым, научился обращаться и со скрипкой, и с гармонью, но с дудочкой не расставался. Очень любили его люди, звали с собой повсюду, доверяли ему свою душу и сердце. Люди знали: его волшебная музыка дарит им добро, и добром же ему платили. В одном месте покормят, в другом одежду подарят, в третьем – еще и на дорогу с собой хлебушка дадут. Никогда и ничего музыкант не просил. Да и разговаривал он только с помощью музыки. Заиграет – и слова не нужны, все и так понятно.

Было еще одно очень странное чувство, которое просыпалось у людей, когда слушали музыку волшебную.

Послушав музыку, люди переставали панов слушаться.

Само собой, стали коситься на него паны, а потом и вовсе недоброе задумали. Решили сжить со света волшебника-музыканта. Не будет музыки его – снова легко рабами людей делать получится.

Сначала друг с другом сговариваться начали – да кишка тонка! Пытались подговорить приказчиков своих – те людей

боялись. Думали, что люди после не простят. А так бы и было!

Осталось одно средство – с чертями сговориться. Те всегда на пакости готовы, а с панами так вообще – родственные души.

Вот случилось однажды волшебнику-музыканту со свадьбы, где он людей веселил, через лес домой идти. Собрали черти стаю из двенадцати голодных волков и отправили наперерез музыканту. Увидел он в темноте, как яростно из темноты желтеют глаза хищников, и решил:

– Вот и пришел конец моей музыке!

Подумал, что терять уже нечего, хоть напоследок скрипочку в руках подержит, коли успеет. Достал ее, приставил смычок и – полилась по темному лесу такая музыка горькая, такая печальная, прощальная! Не видел, играя, музыкант, что печаль, горечь и тоска сгустились и стали туманом, сизым и плотным. Наполз этот туман на волчью стаю – погасла в желтых глазах волков злоба, опустились они на хвойную землю и заснули.

Очнулся музыкант, удивился, что еще жив. Потом спящих волков увидел. Повернулся и пошел дальше.

К рассвету только добрался к реке, за которой его дом был. Сел на берегу, снова заиграл, будто решил и речке, и солнышку, что выкатилось из-за горизонта, и травам в росе рассказать, как ему было страшно. И рассказать, как он рад и счастлив, что снова может любить мир и дарить ему музыку.

Утренний ветерок услышал, прилетел, добавил звуков, потом рыба заплескалась – тоже помочь решила, трава зашелестела – добавила полутонов. Получилась симфония!

Даже водяной царь разошелся и волнами заплескал, будто в ладоши захлопал от восторга.

Только черти да паны от злости бесятся. И вот придумали, как избавиться от музыканта.

Идет он домой с речки, а навстречу ему два молодца:

– Чародей-музыкант, сыграй нам для гостей. Пир у нас, праздник, помоги!

Устал музыкант, домой добираясь, но слово «помоги» – волшебное для него. Не мог он отказать людям, которым помочь надо. Согласился, пошел.

Привели эти молодцы чародея-музыканта во дворец. Смотрит волшебник, а перед ним люди глухие! Зачем им играть? Как они услышат? Да и непонятно как-то ведут себя: подбегают по очереди к какой-то огромной вазе, макают пальцы в нее и по глазам себе мажут.

– Странно! – проговорил музыкант и подошел глянуть, что там, в вазе. А там клокотало варево страшное, зеленое...

– Да это же черти! – вскрикнул он, и сразу на него глянули зло, недобро глаза чертей. Увидел, что одни ведьмы и черти тут на шабаш собрались.

– Ну, погодите! Сейчас вы у меня запляшете! – первый раз в жизни музыкант рассердился за обман.

Ударил смычком по струнам – запела так скрипка, что

взорвались все черти и ведьмы, разлетелись на мелкие кусочки.

А потом без грозы и дождя протянулась в небе радуга и заиграла вместе с волшебником-музыкантом нежную и счастливую мелодию.

Федор-разумник и богатыри

Жил-был в одной деревне разумный-преразумный мужик по имени Федор. Не мог он силой похвастаться, а вот ума у него палата была.

Сидел он как-то да думу думал: «Вот почему вся слава богатырям? Сила есть – ума не надо! Богатырские дела можно и со светлой головой придумать. Решил пойти по свету да поискать, где и как подвиги можно совершить.

Сказано – сделано! Взял тулуп, коли ночью сырость проймет, для тепла, от дождя и ветра – полотняный шатер. Меча у Федора не было. Недолго думая, обернул тряпицей косу да за пояс заткнул – сгодится! Взнуздal свою несчастную клячонку – старую да худую, вывел ее за ворота и отправился в путь.

Долго ли, коротко ли ехал, шел пешком, чтоб клячонку побережь, и добрался до околицы большого города. На самом краю, на холме, столб стоял.

Подошел к этому столбу Федор, смотрит, а там разные надписи вырезаны.

– А чем я хуже? – решил Федор и свою надпись кончиком косы выцарапал: «Федор-мудрец, великан-удалец и богатырь этот город посетил». Отошел в сторону, полюбовался и ниже еще дописал: «Что спереди, что сзади – опасен. Близко не подходить, Увидишь, сними шапку и поклонись». Потом

Федор, довольный, двинулся дальше.

Через несколько дней мимо того столба проезжал на лихом коне крепкий молодец – богатырь Дубовик. Прочитал все надписи на столбе и удивился: всех, кто отметину оставил, знал он, а об этом Федоре-мудреце и силаче впервые слышит. «Интересно, – думает он, – откуда этот богатырь взялся? И с какого боку, если отовсюду нельзя близко подходить, на него глянуть можно?» Издалека, разве что...

Так и сделал: пришпорил коня, объехал город вокруг и ждет у других ворот этого богатыря Федора. Увидел, когда тот еще за версту был, снял шапку и кричит:

– Здравствуй, Федор-мудрец, великан и удалец! Возьми меня в помощники! Если надо, буду на расстоянии с версту хоть сзади, хоть впереди.

– Ладно, богатырь, беру тебя в помощники, так и быть. Только пойдешь сзади, будешь тыл прикрывать. Нападать я и сам умею.

Подождал Дубовик, пока Федор вперед пройдет, пошел следом.

Прибыли они на широкий-преширокий луг. Федор отпустил лошадку пастись, полотняный шатер расставил и внутрь опочивать забрался.

Богатырь Дубовик не привык роскошествовать: под куст улегся неподалеку и заснул богатырским сном, словно в беспамятство провалился.

Поутру оба точить оружие принялись. Каждый свое – Ду-

бобик мечом искры на бруске высекает: «Вжик-вжик!», а Федор косу о камень чиркает: «Чирк-чвяк!» Да такие страшные звуки Дубовику слышатся со стороны Федора, что испугался он:

– Какой знатный меч у этого богатыря! Во как «чвякает»!

Отдохнули Федор и Дубовик, набрались силы от росистой травы, да и клячонка Федора в себя пришла.

Кричит на третьи сутки Дубовик Федору на другой конец луга, подойти-то так и не решился:

– Как думаешь, богатырь, не пора ли за дело браться? Тут неподалеку под скалой трехглавый змей, по прозвищу Смок, устроился. Живет без правил, людям продыху не дает. Надо бы его проучить да прогнать подальше. А то еще и заскучал, вызывает на бой богатыря какого-нибудь. Сам пойдешь, али мне прикажешь?

– Да не буду я с ним возиться: мелкогато что-то. Была бы дичь покрупнее – пошел бы размяться, а так... Лучше сам иди, – и Федор ушел в свой шатер, завалился и заснул.

Собрался Дубовик, подпоясался да рукавицы надел, чтоб в кровь руки мечом не намозолить, пока со змеем биться будет.

Подъехал к логову змея, зовет его:

– Это ты там богатыря вызывал, чтоб развлечься?

– Выполз змей из норы, глянул насмешливо, злым глазом блеснул: второй-то, на одной из голов, в одном из прежних схваток потерял:

– Ты кто таков? Уж не сам ли богатырь Федор появился? Слыхал про тебя, люди грамотные уже видели надпись на столбе, да вот вижу в первый раз!

Сообразил Дубовик, что Смок нового богатыря побаивается, и говорит:

– Точно, я это! Выходи, животное, биться будем!

– Значит, биться решил? А, может, миром разойдемся?

– Вот еще! Я что, зря за семь верст киселя хлебать ехал?

Выходи, нечисть, на бой!

Не дал Дубовик и опомниться змею трехглавому, выхватил свой меч, за три дня отточенный наостро, и срубил мигом змеевы головы. Две из них бросил в болото, и они, булькнув, скрылись в трясине. Третью голову в мешок кинул и повез Федору показать: вот, мол, выполнил задание. Привез на луг этот мешок с головой змеи, машет побратиму издалека:

– Что прикажешь с головой змея делать?

– Да в болото брось мелочь эдакую!

Тем временем мимо столба еще один богатырь ехал, по прозвищу Горовик. Спешился, прочитал про Федора-молдца и задумался: «Вот бы вместе супостатов крушить!» Отправился по следу и выехал на зеленый луг, где Федоров шатер стоял. Снял шапку, поклонился и спрашивает:

– Примешь Федор меня в помощники, чтоб разом со всей нечистью в округе покончить?

Не привык Горовик к шатрам, все походным порядком жизнь обустроивал, выбрал раскидистый куст на лугу да бро-

сил под него пожитки. Коня пастись пустил.

Утром наточил саблю свою кривую, как турецкий ятаган, и к Федору обратился:

– Там, за лесочком, всего в дне пути, вырыл свою нору поганый змей о шести головах. Люди жалуются, что жизни от него нет: то скот отберет, а то детишки пропадать начали. Вдвоем мы быстро с ним справимся, или мне доручишь людей от этой шестиголовой напасти освободить?

– Да не стану я об эту мелочь руки себе поганить! – махнул рукой Федор. – Сам разберись!

Горовик огромного роста был и силищи немереной. Ему этот змей со всеми шестью головами и до плеча едва доставал, потому и не разговаривал богатырь с чудищем вовсе – рубанул с плеча дважды, покатались головы змеевы. Одну голову со страшной, зубастой пастью Горовик в мешок кинул, остальные оземь так ударил, что вогнал в землю без следа.

Принес Федору змееву голову и спрашивает:

– Куда ее деть?

Федор подивился сноровке Горовика, отвечает:

– Брось в кусты!

– Не могу, я под кустом ночевать буду. Лучше так! – с этими словами Горовик ударил головой змея оземь – разошлась земля ямой и словно проглотила змеиную голову.

Федор виду не подал, но силище товарища обрадовался.

Тем временем слава о богатыре Федоре-мудреце да удаль-

це разошлась по городам и странам. Дошел слух и до самого злобного и большого, девятиголового, змея. Решил он сразиться с таким богатырем, с Федором-удальцом, передал со-рокой весть – вызов.

Хотел было Федор отправить на битву Дубовика да горо-вика, да те отказались наотрез:

– Не справимся – силен слишком змей. Тут только твоя сила нужна!

Что делать? Надо ехать: назвался груздем – полезай в ку-зов!

Ждал-пождал Смок девятиголовый – нет Федора! Решил навстречу выйти. Вот и встретились они на полдороге. Впер-вые Федор такое страшилище увидел – развернулся и прочь побежал. А Смок – за ним!

Бежит Федор, дороги не видит, слетел на тропинку зарос-шую – а там болото! Смок тоже в трясину угодил. Только Федор маленький, легонький – выскочил, а змей огромный – застрял, только головы торчат из трясины. Выхватил Федор косу свою наточенную – и давай косить-рубить эти головы страшные. Выкосил все подчистую, повернулся да на луг за-спешил, к богатырям-товарищам.

Вышел на край зеленого луга и кричит богатырям:

– Все! Покончено с чудищем девятиголовым. Можете пойти да посмотреть, что от него осталось.

Дубовик и Горовик к трясине поспешили. Видят: и вправ-ду от змея одни куски из болота торчат.

– Вот это богатырь! – кричат оба в восторге.

Разнеслась слава о Федоре-мудреце, смелом удалыце по всему царству-государству. Сам царь Храпун о нем много легенд услышал и решил использовать Федора для своей охраны и защиты кордонов царства. Приказал придворным разыскать да привести богатыря пред свои светлы очи. Кинулись слуги царские исполнять приказ.

Принял приглашение Федор от царя, заявился и спрашивает:

– Чего надо, батюшка царь?

– Хочу, чтоб служил ты мне, Федор-мудрец, богатырь-удалец, да царство мое берег от недругов да захватчиков. Для начала тебе плату хорошую положу да одежду с царского плеча. А коли угодишь, то и что-нибудь дорогое пожалую. Орден, например!

– Что мне орден твой, – усмехнулся Федор. – Обеспечь мне еду, кров над головой да коня лучшего. Сговоримся!

Хорошо теперь жилось Федору! Поздоровел, подобрел животом. Спал сладко, ел вволю. Даже товарищей своих, Дубовика да Горовика, не забыл: устраивал с ними скачки на добрых лошадях.

Так, припевачи, провел Федор и год, и второй, и третий. И вдруг пришла страшная весть: выступил с войском против царя Храпуна жадный и злой царь Хапун.

Войско при нем было огромное, все поле занимало от края до края. Вызывает Хапун царя-соседа на бой.

Испугался Храпун до смерти, зовет Федора-мудреца, богатыря-удальца:

– Сделай же что-нибудь! Ведь потеряю царство-то!

А тот спокойно отвечает:

– Не победит, не бойся! Ты со мной дело имеешь. Спать отправляйся, под ногами не мешайся!

А царю Храпуну только того и надобно: зевнул да спать отправился.

Тут Федор кинул клич:

– Собрать всех сапожников да портных, столяров да плотников ко дворцу!

Явились все. Вышел к ним Федор, да и говорит:

– Чтоб к утру войско несметное деревянных солдат в поле стояло! Семь полков, не меньше, иначе всех царь Хапун изничтожит.

– Поняли, сделаем! – ответили мастеровые – и за работу!

К утру несметное деревянное войско в поле стояло. Одежды, как положено, оружие в деревянных руках, как настоящее.

Испугался Хапун, приказал огонь открыть из всех орудий.

Что тут началось! С рассвета до темноты летели ядра тяжелые в сторону деревянного войска царя Храпуна: щепки во все стороны вместе с осколками разлетались. А уцелевшие деревянные солдаты стоят, как ни в чем ни бывало!

Удивился царь Хапун: никто против его войска, против его пушек устоять не мог, а эти стоят!

Тут Федор скомандовал настоящему войску в атаку идти. А солдатам царя Хапуна и ответить нечем: весь порох спалили, все ядра израсходовали. Перебили солдаты Храпуна все войско захватчика, его самого в полон взяли. Привел Федор-мудрец, богатырь-удалец царя Хапуна, связанного по рукам и ногам, к царской опочивальне. Велел слугам царя Храпуна будить:

– Приказывай, царь-батюшка, что с этим басурманом делать!

Очнулся, наконец, со сна царь, обрадовался, ручки от удовольствия потирает:

– А в пушку его зарядите и выстрелите в ту сторону, откуда пришел!

Исполнили приказ царя солдаты, а Федор повел царя Храпуна посмотреть, что с вражьем войском стало.

– Ты смотри, как ловко у тебя получилось, – удивился царь Храпун. У Хапуна ведь силы немеренные были!

Откашлялся Федор и говорит, да серьезно так:

– Сила есть – ума не надо! А мы умом сильны – вот и победили!

– Да ты и впрямь мудрец-молодец! – похвалил Федора царь Храпун. – Будешь у меня главным военачальником.

А потом повернулся и снова спать пошел.

А чего беспокоиться, пока Федор-мудрец, богатырь-удалец царство от врагов стережет?!

Иван утреник

Далеко-близко ли, на опушке густой дубравы жили в избушке муж да жена. В лес по грибы да ягоды ходили, на опушке землю возделывали да скотину какую-никакую держали. Хорошее хозяйство у них было, только беда, незнамо откуда пришедшая, туманила очи и душу: не дал Бог им деток.

Просили-молили – и пришла радость: родилось в один день трое детишек. Все сыновья, работнички! Первый вечером на свет появился – называли Иваном Вечерником. Второй – ночью, так Иваном Полуночником кликать стали, а третий – утром. Тоже Иван, только Иван Утреник. Хоть в одной семье росли, один хлебушек ели, да разные были по характеру: Вечерник завистливый, Полуночник – злой да недовольный всем, а Утреник – добрый, совестливый и смелый. Рослые да пригожие парни выросли.

В то время случилась беда у царя: исчезли дочери царские. Вроде и пригляд за ними был хороший, а вот пропали – и все тут! Искали их, искали, а найти не смогли.

Пошли глашатаи по всем весям, объявили царскую волю: полцарства и дочь впридачу батюшка отдаст, кто дочерей отыщет.

Узнали об этом братья, уговорили отца и мать отпустить их царских дочерей искать.

– Идите, – согласился отец. – Доброе дело задумали. Бог

вам в помощь!

У кузнеца каждый из них по мечу заказал: Вечерник захотел иметь меч в шесть пудов весом, Полуночник – в девять пудов, а Утреник вообще богатырский – в двенадцать пудов.

Насмеваются старшие братья над меньшим:

– Зачем тебе лишняя тяжесть?

А он в ответ:

– Своя ноша не тянет. Авось, пригодится.

Вот идут они через степи широкие, леса дремучие. Зашли в такую чащу, что без топора или меча не выбраться. Вечерник машет своим мечом – только осины тот берет, от меча Полуночника ели валятся, а вот меч Утреника дубы прорубает.

Выбрались они, наконец, на полянку. Видят: стоит терем высокий, а вокруг – каменный забор. На воротах – замок пудовый, на стук никто не открывает.

– Придется ворота высаживать, – говорит старший брат. Попробовал плечом – да куда там!

– А ну-ка, дай я попробую! – с разгону средний брат как ударит по воротам всем телом – даже не шелохнулись ворота.

– Кажется, моя очередь на крепость эти ворота пробовать, – младший подошел ближе, замах мечом сделал от плеча, да как ударит по створкам ворот! Разлетелись в щепки обе створки ворот!

Старшим завидно, а виду не подают.

Рассмеялся младший:

– Говорил ведь, что своя ноша не тянет. Вот и пригодился тяжелый меч!

Зашли братья во двор – а там! Амбары забиты зерном отборным, в хлеву полно скотины: и вола, и коровы, и овцы, и птицы в птичнике – всего богатства и не пересчитать! Видать, богатый хозяин тут живет.

Иван Вечерник от зависти губы поджал, слова проглотил поначалу, а потом заявил:

– Сами тут хозяйничать будем! На что нам теперь царевны какие-то! Невесты сами прибегут, коли дознаются, какие мы богатые стали!

Иван Полуночник согласно кивнул, а Утреник промолчал. Зашли в дом: убранство богатое, все прибрано. Решили братья в тереме переночевать – близилась ночь. Утром договорились: один останется, еду сварит, терем постережет, а остальные на охоту пойдут.

В первый день старший брат хозяйничать остался: зарезал вола, разделал тушу, поставил на огонь похлебку варить. Только закончил обед варить, слышит, кто-то в дверь стучит да сердито кричит:

– Отворяй!

Выглянул Вечерник, видит – дедок сморщенный, седой, маленький росточком у ворот стоит. Глазищи у него огромные, борода длиннющая – странный такой. Железным посохом постукивает, плеткой пощелкивает.

– Ты кто такой? – спрашивает у него Вечерник.

– Это ты кто такой? Что в моем доме делаешь? Не откроешь сейчас же – посохом выбью. Тогда не поздоровится тебе!

Вечернику и впрямь страшно стало: никогда не видывал таких стариков. Открыл ворота и впустил хозяина.

– Теперь на руки меня бери и через порог переноси! – приказал старичок.

Послушно Вечерник наказ выполнил.

– На лавку посади! – снова командует старик.

И это сделал Вечерник.

– Котел с похлебкой – быстро на стол! – дедок махнул рукой на котел в печи.

Тут Вечерник воспротивился:

– Не дам! Братья вот-вот вернутся с охоты. Чем кормить буду?

Дед схватил плетку и давай ею пощелкивать:

– Как это не дашь? Вы моим добром пользуетесь? В доме поселились, вот съесть моего вола собрались...

– Ладно, уж, поешь похлебки, – и Вечерник подал старику еду, а сам думает: «Чай, не объест!»

Да дедок не стал одну юшку хлебать, а набросился на мясо! Не только всего вола съел, но и юшку всю выпил. Мало того, что всю еду подобрал, так и Вечерника плеткой постегал, посохом поколотил – и исчез, будто не было!

Очнулся Вечерник только к вечеру. Лежит, охает и стонет – едва живой.

А ночь на порог – братья с охоты вернулись, голодные, с

пустой сумой: никакой дичи достать не удалось.

– Корми нас, братец, – к Вечернику обратились.

– Так не смог я... – еле выдохнул тот, не поднимаясь.

– Что ж так?

А Вечернику тяжело признаться, что его, здорового парня, какой-то дед чуть не прибил, стал придумывать:

– Ох, скрутила болячка какая-то, сам не пойму!словно колесом по мне прошлись.

Что тут поделаешь? Бывает! И младшие братья взялись за дело: вола зарезали, разделали, в котел побросали и сварили. Наелись, наконец, и в сон провалились.

На другой день остался Полуночник.

Постарался все заранее приготовить и улегся досыпать. Только не дано было даже успеть заснуть:

– Стук-стук!

В ворота застучал кто-то. Выглянул Полуночник, а там дедок старенький, плюгавенький, седенький такой стоит и колотит в ворота.

– Кто это? – сонный Полуночник спросил сердито.

– Кто, кто! – проворчал дед. – Хозяин!

Глянул Полуночник, и смешно ему стало: такой нескладный старичок: сам с ноготок, борода длинная, по земле волочится. А глаза – не очи обычные, а глазищи, что плоски. И сердитый такой дедок, клюкой постукивает, плеточкой поигрывает. Смех, да и только! Сонный не сонный Полуночник, а расхохотался:

– Это ты-то хозяин?

– Ну-ка, перенеси меня через порог! – приказал дедок и так сверкнул своими глазищами, что Полуночник поежился. Молча выполнил приказ, не прекословя и не смеясь больше.

– А теперь посади на лавку!

И снова Полуночник слово поперек сказать побоялся: что-то такое в этом старике было, что противиться парень не мог.

– Теперь есть давай!

Достал Полуночник котел с вареным мясом и похлебкой, а сам думает: «Пусть ест себе! Много ли ему надо!»

Да не тут-то было! «Старичок с ноготок» не только всего вола съел, но еще и юшку всю выхлебал. И куда столько влезло?

А потом дедок, словно это у него такое развлечение после обеда было, отстегал Полуночника плеткой, избил клюкой да так, что Полуночник, едва живой, с трудом до полатей добрался и упал замертво.

Пришел в себя, когда братья в терем зашли, вернувшись с охоты. Да и разве это можно охотой назвать, коли одну перепелочку только и поймали! На зуб не хватит.

– Покорми нас, брат! – просят Вечерник и Утреник.

– Нет ничего, не смог я, заболел... Спину заломило, словно бревно раскатали по ней.

Вечерник-то знает, в чем дело, потому и молчит. А Утреник не выдержал:

– Коли постоянно хворать будете – занедужаем все. Только от голода.

На третий день Утренику пришло время оставаться. Решил он, что обязательно братьев покормит вечером. Заготовил быка, протопил печь, поставил варить. Вот уже все готово, дух такой от юшки идет, что пчелы слетаться начали. Только прилег отдохнуть – стук в ворота раздался! Слышит Утреник, как ворчит и ругается кто-то за воротами, а встать тяжело. Слишком притомился он за последние дни.

Слышит:

– Ну-ка, открой!

– Ворота не на запоре, входи!

Не дождался дедок ни чтоб ворота ему открыли, ни чтоб через порог перенесли – некому, нет никого!

– Есть давай! – потребовал дедок, только через порог перебрался.

– Что ж ты, дедушка, как-то не по-людски себя ведешь: только зашел, сразу командовать начал. Заходи, присаживайся, вот тебе миска с едой. Ешь на здоровье!

– Ты что, парень, издеваешься? Всего вола мне сюда подавай! Ты у меня в доме – вот и служи!

Тут уже Утреник не выдержал да как рассмеется:

– Ты что, дедушка! Да если это твой дом, так в нем все на месте. Нет четырех волов, так из них, я догадываюсь, ты два съел сам, а пятый – на всех! Братья придут – им, ведь, тоже есть захочется.

Ох, и рассердился же дедок, да как кинется на Утреника с толкачом да плеточкой.

Только парень не растерялся:

– Ах, ты, разбойник! Братьев избил, да со мной у тебя не получится!

Схватил свой тяжелый меч и ну деда сердитого охаживать. Потом забрал у него толкач, плетку, взял за шиворот да в лес поволок. Там расщепил мечом пень, да в щель бороду и сунул. Забил щепой раскол в пне, повернулся и в дом пошел.

Только зашел, а тут братья зашли. Как всегда, ни с чем с охоты воротились:

– Есть обед? – а сами переглядываются.

– Само собой, – отвечает им Утреник спокойно.

Поставил котел на стол, стали есть. Не выдержали, спрашивают:

– Братец, а дедок бородатый приходил?

– Было дело... – Утреник ест, а сам лукаво на братьев поглядывает.

– И что?

– Да больше тревожить не будет. Я его в лесу к пню прищепил.

– Да не может такого быть! В нем же страшная сила!

– Так идемте, покажу...

Подходят братья к пню, а там... никого нет, только клоч бороды из пня торчит!

– Ах, он, разбойник! – встревожился Утреник. – Надо его

непременно найти, а то покоя не даст.

Долго братья искали дедка, шли по его следу. Тот привел к большому камню. Отодвинули камень, а там провал глубокий. Да такой, что дна не видать.

– Как же его оттуда выманить? Будет к нам в дом ходить да драться, – и старший брат поежился, вспоминая, как дед бил его посохом да плеткой.

– Это точно! – и средний брат клюку да плетку, что гуляла по его спине, вспомнил.

Наконец, братья придумали способ, как дедка достать. Сплели из воловьей кожи длинную веревку, привязали к корзине. Осталось решить, кто спускаться в провал за дедком будет.

Вечерник и Полуночник сразу отнекиваться стали: и неможется им, и руки ослабели.

Утреник и говорит:

– Вижу, что придется мне с ним до конца разбираться. Опускайте осторожно, а если дерну – сразу вытаскивайте!

Опустили братья Утреника под землю. Огляделся он:

– И где же искать в такой темноте деда?

Вдруг свет странный появился, и засверкал чищеной медью дворец. «Наверное, дедок там», – подумал Утреник и вошел во дворец. Видит, а во дворце девица сидит. Такая измученная да бледная! Все слезы уже, наверное, выплакала. Подошел к ней Утреник и спрашивает:

– Отчего тоскуешь, девица красная?

– Как же мне не горевать, коли я, царская дочь, стала рабыней у мерзкого и злого Кощея...

– Вот оно что! Теперь понятно, куда пропала ты и твои сестрицы! А батюшка вас по всему свету ищет и не знает, что под землей вы спрятаны. Ты потерпи, царевна, я вас всех троих вызволю.

– От Кощея нигде не спрячешься, никто его не в силах победить.

– Вот и ошибаешься! Не уйду, пока вас, царевен, на белый свет не вытащу. И пока с Кощеем не разберусь. Ты знаешь, где он живет?

– Может, в серебряном дворце, может, в золотом. Там сестрицы мои... – и царевна снова заплакала.

Сначала Иван Утреник в серебряный дворец направился, нашел там среднюю дочь царя. Успокоил, утешил, спросил, не знает ли она, где Кощей. Царевна не знала. Раз здесь, в серебряном дворце, злодея не было, пошел Утреник дальше, в золотой дворец.

Походил по палатам, поискал – никого нет. И вдруг из дальней светелки услышал Иван жалобный плач. Кинулся туда – и обомлел!

Сидит девица красоты невиданной: русая коса, синие очи, губы алые. Сама тоненькая, что березка – загляделся Иван Утреник, глаз оторвать не может, уста сомлели, словно онемел враз.

– Кто ты, красавица? – промолвил Иван, наконец.

– Была царская дочка любимая, теперь в неволю к Кощею попала. А кто ты такой, как сюда попал? Убьет тебя Кощей! Беги, пока он не воротился.

– Я Иван Утреник. Батюшка ваш послал искать вас по всему белу свету. Кто ж знал, что под землей вас Кощей прячет! Я должен его убить.

– Добрый молодец, рада бы помочь, только Кощей убить невозможно: у него даже прозвище – Бессмертный! Вот коли смерть его найти, да изничтожить ее, то он сам бы помер.

– А ты знаешь, где его смерть?

– Хвастался он как-то, что никто его не одолеет, потому что смерть его – в сундуке на дне моря, внутри сундука сидит заяц, в зайце – утка, в утке – яйцо. Вот это яйцо и есть его смерть.

– Спасибо, красавица! Подожди, найду его смерть, одолею ее и выведу тебя вместе с сестрами к батюшке.

Трудное дело задумал Иван Утреник, потому нужно было подходящее оружие выбрать. Нашел Иван во дворце лучший лук со стрелами, какие только видел на своем веку. Взял этот лук, стрелы к нему и пошел искать Кощею. Идет день, другой, захотелось ему есть. Видит, коршун летит. Прицелился и только хотел тетиву отпустить, как слышит голос коршуна:

– Не убивай меня, Иван Утреник, я тебе сгожусь.

Опустил лук Иван, идет дальше. Голод все сильнее донимает. Решил: кого бы ни встретил – подстрелит, а то от голода упадет и умрет.

Только подумал об этом, глядь – волк бежит.

Снова, только прицелился Иван, дичь заговорила человеческим голосом:

– Не убивай меня, Иван, я еще буду тебе полезен!

Совсем тяжело Ивану идти на пустой желудок, но идти-то надо! Так дошел он до моря. А на берегу лежит и не двигается большой рак. «Это ведь тоже еда», – подумал Иван и только нагнулся, чтобы подобрать, разбить панцирь и съесть, как рак взмолился:

– Не обижай, лучше помоги, столкни в воду! Я тебе тоже помогу!

У Ивана с детства было доброе сердце: пожалел он рака. Нашел кол, и концом его столкнул рака в море. Обрадовался рак, окунулся в воду, потом высунул голову и говорит:

– Скажи, что привело тебя сюда?

– Знаешь ли, дружище, где в море есть сундук? Он мне очень нужен.

– Знаю, где он лежит. Подожди, сейчас принесу тебе его, – с этими словами рак нырнул.

Через некоторое время выныривает рак и выталкивает на берег желанный сундук. Взял Иван прибрежный камень и разбил замки. Но только открыл крышку – выскочил оттуда заяц и понесся по песку вдоль берега.

– Вот беда! – вскрикнул Иван. – Если б волк был где-нибудь близко!

Не успел и до конца проговорить, как видит: несется за

зайцем волк. Поймал и в мгновение разорвал его.

И тут же из зайца вылетела утка, полетела так быстро, что Иван и уследить за ней не смог:

– Опять неудача! Что же делать? Коршуна бы!

А коршун тут как тут! Камнем упал на утку, схватил ее клювом, принес на берег, поближе к Ивану, и разорвал. Только пух и перья полетели!

И яйцо выпало из утки!

Взял Утреник яйцо и пошел в золотой дворец.

Приходит, а там дед сидит, тот самый, что житья им не давал с братьями. Да злой! Увидел Ивана, аж затрясся от ненависти:

– А на ловца и зверь бежит! Давненько тебя поджидаю, – глаза, кажется, вообще выкатились из орбит у старика. – Теперь ты от меня никуда не сбежишь!

– Шутишь, дедуля, – отвечает Утреник. – Пока это только ты от меня бегаешь!

Схватил снова дед толкачи да плетку – бросился на Ивана. А Иван достал яйцо да как запустит этим яйцом дедку – Кощею – прямо в лоб!

Тот и упал замертво.

Развел костер Иван да сжег все, что осталось от Кощея. Чтоб и духу даже не было! Пепел над морем развеял.

Нашел Иван Утреник царевну в дальней светелке.

– Спасибо тебе, краса девица, помогла одолеть чародея злобного.

– Я замуж за тебя пойду. Ты – мой спаситель!

– Смотри, не передумай! – улыбнулся Иван счастливо, потому что полюбил русокосую и синеглазую царевну сразу, как только увидел.

Ушли от дворца недалеко, повернулся Иван и говорит:

– Столько золота пропадает, дворец-то из настоящего золота!

Царевна улыбнулась и достала маленький платочек.

– Если взмахнуть этим платочком три раза слева направо – будет чудо. Попробуй!

Послушался Иван, махнул, как царевна наказала – золотой дворец тут же свернулся и стал размером с яйцо.

А царевна продолжала:

– А коли наоборот махнуть – справа налево, то дворец снова огромным станет.

Вскоре подошли Иван с царевной к серебряному дворцу. Уж как обрадовалась средняя сестрица, что живы все, здоровы, да еще и с волшебными вещами домой возвращаются.

Забрали ее, серебряный дворец в яйцо спрятали, как и золотой. Завернул в платочек Иван оба яйца и прямиком с царевнами к медному дворцу. Сестрица их уже вся извелась, то надеясь, то ожидая страшного известия.

С медным дворцом Иван так же поступил: потом завернул все три яйца в платочек и в карман положил.

Наконец, подошли Иван и три царевны к месту, через которое он спустился. Веревка по-прежнему висела.

Посадил Иван старшую царевну в корзину и за веревку из воловьих шкур дернул. Братья были наверху, потому что сразу стали вытягивать корзину. Подняли братья на поверхность еще двух сестер-царевен.

Сидит Иван Утренник внизу и ждет, когда для него корзина опустится. Не слышал Иван, как завистливый Вечерник говорил Полуночнику:

– Слушай, а зачем нам Иван Утренник? Царевны есть, отвезти их к отцу – дело легкое. Пускай там сидит и не мешает нам. А ты скажешь, что это я царевен спас, тогда их батюшка нам с тобой полцарства отвалит. Так и решили.

Не дождался Иван корзину. Не мог понять, как это братья предать могут. Расстроился и пошел по подземному царству искать другой выход.

Вдруг налетела страшная буря. Спрятался Иван под раскидистым дубом. Стоит под ним, ливень переживает. Вдруг слышит: плачут птенцы в гнезде. Видимо, дождь с градом били по маленьким птенчикам.

Не мог Иван оставить птенцов пропадать. Забрался на дуб и прикрыл малышей от дождя своей одеждой.

И вот дождь закончился. Слышит Иван – над ним крыльями хлопает большая птица. Это вернулась к гнезду лазоревая птица Нагай. Она видела, что Иван прикрыл ее гнездо от града.

Говорит Ивану лазоревая птица Нагай:

– Скажи, Иван, что мне для тебя сделать, как поблагода-

речь за спасение моих птенцов?

– Помоги, птица, выбраться отсюда на землю.

– Мне легко помочь тебе, потому что над землей я часто летаю, но одна. А тут тебя тяжелого выносить надо, поэтому достань мне бочку воловьего мяса и бочку воды родниковой. Это в дороге понадобится.

Иди в сторону огненной реки. Там живет дед, у которого много волов.

Отправился Иван к старому деду, у которого паслись во-
лы. Попросил Иван вола, а дед и говорит:

– Летом нужно пасти моих волов. Коли возьмешься – дам тебе вола.

Делать-то нечего, согласился Иван помочь старику.

Посоветовал дед, когда пришел за волами Иван:

– Пасти моих волов можно везде, кроме луга старой ведь-
мы Бабы-Яги. Она только и мечтает, чтобы хоть кто-нибудь
ее луг посетил – сразу глаза выкалывает. Однажды она меня
подстерегла. Теперь уже тридцать лет не вижу ничего.

– Ладно, разберусь с ней, не тревожся, – Иван сам хотел
решить, где пасти.

Сделал он себе проволочный кнут, взял свой тяжеленный
меч и погнал волов на ведьмин луг.

Не успел появиться – мчится в ступе Баба-Яга, толкачом
погоняет, метлой след замечает.

И сразу в крик:

– Ах, такой-сякой! Сейчас глазоньки твои повыколю – бу-

дешь знать, как травить чужой луг.

Замахнулась Баба-Яга железным толкачом на Ивана, а тот как хлестнет ее проволочным кнутом, как ударит по спине своим двенадцатипудовым мечом! Сразу взвыла ведьма да пощады запросила.

А Иван ей в ответ:

– Деду глаза верни, тогда перестану бить, – и еще раз для вразумления хлестнул кнутом ведьму.

– Верну, верну, у меня в избушке есть живая и мертвая вода. Бери, сегодня я добрая! – и ведьма сверкнула злобно единственным целым глазом, что еле виден был из-под нависших бровей.

– Да уж, после порки совсем подобрела, – усмехнулся Иван. – Смотри! Если обманула, вернусь! – и пригрозил ей кнутом.

Помчался в избушку Бабы-Яги. Взял и мертвую воду, и живую. Потом – сразу к деду, помазал ему сначала мертвой водой, потом живой – прозрел дед!

Как старик обрадовался! Уж не чаял белый свет увидеть:

– Бери двух волов и иди. Сам теперь справлюсь!

– А если ведьма снова тебе глаза выколет?

– С нее станется! Это же жена Кощея!

– Ах, так это жена этого разбойника? Ну, тогда ей такая же участь будет – меньше зла на земле станет!

С этими словами прибил он Бабу-Ягу, сжег и пепел вслед пеплу Кощея над морем развеял. Чтобы и ее духом не пахло!

Теперь птица ему точно поможет: мясо есть, вода тоже.

– Подвяжи бочку с мясом под одно крыло, а бочку с водой – под другое. Куда голову поверну, того и давай мне подкрепиться в полете.

Все, как потребовала птица Нагай, сделал Иван Утреник. Полетели они. Летят, птица повернет голову в сторону мяса – Иван куски воловьей ей прямо в клюв забрасывает. А повернет голову в сторону воды – ковш протягивает и дает напиться. Так и долетели. Не заметила только птица, что мяса не хватило, и Иван два раза отрезал куски мяса со своих ног.

Долететь-то долетели, только Иван слезть с птицы и пойти не может.

– Что с тобой? – птица спрашивает.

– Вот, – и Иван показывает ей страшные раны на своих ногах.

Раз, потом другой сплюнула птица – мясо с ног Ивана вылетело из клюва. Приложил он к ногам – приросло, как и было.

Счастлив был Иван, что выбрался. Поблагодарил птицу и в город отправился.

Остановился в чужой избе у доброй старушки. Утром попросил ее разузнать новости городские.

Вернулась она и рассказала, что дочери царские нашлись.

– Во дворце – пир горой, и людей на улицах скоморохи развлекают.

– И кто же это разыскал пропавших царских дочерей? –

спрашивает Иван.

– Сказывают, что Иван Вечерник. Царь ему полцарства отдает да младшую дочку в жены. И свадьба назначена через три дня, – старушка заметила, как потемнело от печали лицо ее нового постояльца.

На следующий день старушка другие новости принесла:

– Царевна, что замуж идет, потребовала от жениха сшить такие черевички, какие она в доме Кощея носила.

Обрадовался Иван: значит, помнит свое обещание красавица царевна! Попросил старушку:

– Сходи к царю, скажи, что сможешь такие черевички сшить.

– Что ты, милый! Не умею я, не знаю, что то за черевички были!

– Ничего, ты сходи и скажи, а шить я буду!

Пошла старушка к царю, сказала, что сошьет такие черевички.

Царь обрадовался: может, теперь не будет так тосковать его любимая дочка! Никак не мог он понять причину ее печали.

– Если сошьешь такие, что дочери понравятся, – озолочу!

Дал царь ей денег в задаток и приказал принести черевички через три дня.

Принесла Ивану деньги старушка, а сама распереживалась: а вдруг у него не получится?

– Не бойся, бабушка, не подведу тебя! – Иван видел, как

боится старушка.

Один день прошел, за ним другой, а парень и не собирается шить что-то! Совсем испугалась старушка:

– Да что ж ты со мной делаешь, хлопче?

– Завтра не успеет солнце взойти – черевички будут готовы. Отнесешь сама!

Поздно вечером вышел Иван за околицу, достал золотое яйцо и маленький платочек, что царевна ему подарила. Махнул платочком – яйцо в дворец превратилось. Зашел Иван во дворец, нашел царевнины черевички, положил в карман и вышел. Потом снова махнул платочком – дворец в яйцо свернулся. А яйцо Иван назад в карман спрятал.

Проснулась старушка утром, глядь – а на столе черевички стоят.

Схватила она их и быстренько во дворец побежала. Царевна, как увидела эти черевички, так засияла улыбкой, похорошела, обрадовалась несказанно.

– Веди меня, – потребовала она от старушки, – к тому человеку, который сшил их.

Царь, видя, как радуется и волнуется любимица, распорядился за этим сапожником карету послать.

Увидела царевна Ивана Утреника – бросилась к нему.

– Вот кто меня и моих сестер спас, из Кощеевой неволи вызволил. За него и замуж пойду.

Царь Ивану полцарства подарил, а вскоре и свадьбу сыграли.

А на свадьбе, как и положено, матушка с батюшкой, родня вся, старушка, что помогла, только вот не хотел Иван видеть братьев-предателей на своей свадьбе. Может, потом простит...

Я на той свадьбе был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало. А Иван Утреник с царевной жили долго и счастливо.

Вдовий сын

В некотором царстве, в некотором государстве жили-были люди счастливо да спокойно: трудились да хлеб растили, деток поднимали.

В одночасье все стало совсем худо: прилетело Чудо-Юдо страшное – Змей о девяти головах. Из пастей каждой головы огонь пышет – дома сжег да посевы все. Напоследок украл у людей и солнце, и месяц.

От горя люди все слезы выплакали, без солнца и холодно, и тоскливо. Ночью темно – месяца-то тоже нет. Беда – да и только!

Так получилось, что в том царстве жила бедная вдова с маленьким сыном лет пяти. И в лучшие времена тяжело ей жилось, а тут – хоть погибай вовсе! Мальчик рос таким разумным да ловким, что для вдовы он стал единственной надеждой и утешением.

Неподалеку от вдовьего дома жил богатый купец, а у него рос сынок тех же лет, что и вдовий.

Мальчики с детства играли вместе. Часто купеческий сын убегал в дом бедной вдовы, играл с разумным дружкой. В теплые дни бегали вместе на речку, гонялись в салочки.

Поиграют-наиграются, а после сядут на пригорочке да опечалятся: плохо без солнышка, холодно и грустно.

Как-то однажды разумник вдовий и говорит дружку сво-

ему, сынку купеческому:

– С такой едой, как у тебя дома на столе, стал бы я таким сильным, что легко победил бы Чудо-Юдо, отнял бы наше солнышко да месяц на небо вернул!

Вернулся купеческий сынок домой и передал батюшке слова сына вдовьего.

– Может, ты не понял дружка своего? Слишком удивительно было бы это! Позови-ка его да порасспроси хорошенько. Только смотри, чтоб он не видел меня!

– Хорошо, батюшка, – ответил купеческий сын и побежал снова в дом друга.

– Не пойду! – отвечает тот. – Есть хочется, просто невмоготу, а дома и куска хлеба нет.

– Пойдем, – не отстаёт купеческий сынок. – Я тебе вынесу хлеб, наешься досыта.

Вышли мальчики во двор. Купеческий сын сбегал домой и вынес краюху хлеба:

– Держи! Так ты и вправду можешь победить Чудо-Юдо, коли сыт будешь?

– Силушка нужна, чтобы справиться с этим змеем. А силу хлебушек дает! Справлюсь, коли хлеба вдосталь наемся!

Купец стоит за крепким каменным забором с другой стороны и все слышит.

– Наверное, особенный мальчонка этот. От чудища и моей семье плохо. Надо бы испробовать. А вдруг малец и впрямь справится?

На следующий день заявился купец к вдове:

– Послушай! Что по темноте мальчишки гуляют! Вдруг беда какая случится. Пусть твой малец у нас поживет: и тебе полегче, и мой парень из дому убегать не будет. Да и веселее им вместе расти.

Деваться некуда – тяжело вдове живется, видит бедная женщина, что сынок недоедает. Согласилась:

– Ладно, только каждый день я его, кровинушку свою, навещать буду.

Вот и стал жить в купеческом доме вдовый сын. Еды у него теперь вдоволь было. Купец заметил, что малец растет не по дням, а по часам. Через несколько лет стал настоящим маленьким богатырем. Решил тогда купец к царю обратиться: «Так, мол, и так, растет у меня в семье такой силач, который само Чудо-Юдо побороть сможет. Обещает вернуть солнце ясное и месяц светлый на небо».

Доложили царю о словах купца. Приказал царь доставить вдовьего сына к себе во дворец. Предстал богатырь пред царем. Тот и спрашивает:

– Чем тебя кормить надобно, чтоб нужную силу набрал? Вишь, какая беда в царстве от этого чудища!

– Воловья печень для силы нужна. Да не день, не два – три года воловью печень есть надобно.

Такая задача царю под силу: свои стада волов пасутся. Приказал царь не жалеть волов: сколько надо, столько и доставлять-готовить сыну вдовьему. Только бы толк был!

Еда царская да воловья печень впрок вдовьему сыну пошли: растет быстро, мужает на глазах. Вместо купеческого сына в напарниках по играм да борьбе у него теперь царский сын.

Через три года и три месяца пришел вдовий сын к царю и говорит:

– Настало время идти Чудо-Юдо искать. Спасибо тебе, ба-тюшка-царь, в силе я с чудовищем теперь справиться. Только нужны мне соратники-помощники. Отпусти сына своего да позови сына купеческого: с детства их знаю – верные друзья! Да и веселей втроем-то!

Обрадовался царь: хоть надежда появилась!

Приказал купеческому сыну явиться во дворец, своего сына, царевича, в дорогу собрал.

Купцу жаль отпускать своего сыночка, да с царем не поспоришь – отпустил.

Собрались друзья втроем. Радуются, с одной стороны, что удаль свою молодецкую покажут. А с другой, опасность видят. Решили крепкое оружие взять с собой.

Выбрал вдовий сын меч пудов на девять:

– Хоть от собак будет чем отбиться, – и усмехается.

Купеческому сыну приглянулся меч на шесть пудов, а царевичу – трехпудовый. Решили побратимы испробовать свои мечи, пошли в лес и давай рубить валежник да сухостой.

Выбрал вдовий сын бревно толщиной в две руки, размахнулся, ударил мечом – а тот пополам разлетелся. Осерчал

вдовый сын и говорит царевичу:

– В царстве всем неужто кузнеца получше не нашлось? С таким мечом нам всем троим несдобровать. Закажи меч весом в шестнадцать пудов, тогда можно на Чудо-Юдо идти.

– Тогда и нам нужны мечи покрепче: мне – в двенадцать пудов, а сыну купеческому на девять пудов весом.

– И кузнецы пускай сталь крепкую возьмут да мечи булатные выкуют, – сказал вдовый сын царевичу вдогонку.

Рассказал отцу царевич о слабых мечах, что получили от кузнецов. Кликнул царь самых лучших:

– Что ж вы так плохо сработали? Али настоящих мастеров средь вас нет?

– Есть, Ваше величество, как не быть! Далеко за лесом живет один славный кузнец, крепкие мечи делает, булатные. Только как его в темноте крошечной отыскать, как выкликать?

– Это уже не ваша забота! – повернулся царь к придворным: – Немедленно доставить умельца ко двору!

Помчалась свита на быстрых конях, доставила кузнеца.

– Прими, мастер заказ дорогой! – говорит ему царь. – Да постарайся, не для себя одного делаешь – царству надобно.

Три дня и три ночи колдовал над железом у печи кузнец – выковал. Взял вдовый сын в руку меч, прицелился и запустил мечом в птицу, что высоко пролетала мимо. Не долетел меч, на землю упал, ударился о камень и на две части разлетелся.

– Нет уж, – вымолвил вдовый сын, с таким мечом чудище

не победить. – Идемте-ка к царю!

Пришли, а вдовый сын и говорит:

– С таким оружием мы не только Чудо-Юдо сразить не сможем – сами попусту поляжем. Вели, царь по-другому мечи булатные ковать: день пускай булатную сталь варит кузнец, ночь – пусть мечи в воловьей крови лежат, силы набираются.

Услышал такое кузнец и удивился: никогда он так мечи не ковал. Делать нечего: вдовьему сыну, видать, лучше ведомо, как мастерить богатырские мечи. Отправился на кузню и колдовал там три дня и три ночи. Царь трех волов не пожалел, чтоб крови их хватило мечи закаливать. Не спал, не ел – все боялся, что не получатся мечи такими, как пожелал вдовый сын. Наконец сделал, пришел к царю, где побратимы мечей дожидались, и отдал. А потом вернулся домой, упал и трое суток спал – усталость одолела.

А вдовый сын взял в руки знатный меч, повертел его в руках, осмотрел – понравился меч. Решил испробовать: пустил в небо, где птица пролетала. Пополам рассек меч птицу и вниз упал, точнехонько в руку богатыря вернулся.

– Вот это то, что надо! – повеселел вдовый сын. – С таким мечом можно на Чудо-Юдо идти.

Купеческий сын и царевич и свои мечи испробовали – ловко кузнец оружие сработал.

Пришла пора с царем и родными прощаться, чтоб благословили на ратное дело. Вдовый сын матери весточку отпра-

вил, царевич отцовское благословение принял, только купеческий отказался с отцом видеться:

– Что время терять, в дорогу пора!

Подпоясались, котомки с едой взяли – да и в путь.

Это сказка скоро сказывается – дорога долгой оказалась. три царства прошли, а следов чудища все нет. Пришли богатыри к реке, а через нее калинов мост переброшен. На берегу увидели развалюшку-хатку.

– Вот и отдохнуть есть где, – махнул в сторону хатки вдовый сын. – Одному Богу известно, сколько нам еще ходить придется.

Вошли и видят: на печи сидит старушка да пряжу прядет. Попросились заночевать.

– Оставайтесь, – разрешила старушка. – Видать издалека, раз дорожная пыль на сапогах коркой взялась. Нужда, видать, в такую даль позвала.

Поделился со старушкой вдовый сын едой из своей котомки, рассказал, какую беду сотворил змей поганый.

– Так вы, сыночки, как раз в самое логово пришли, в царство страшного Чуда-Юда, – женщина всплеснула руками.

– На ловца и зверь бежит! Вот тут и сразимся мы с ним, – обрадовался вдовый сын.

Посоветовались побратимы, решили у калинова моста дозор выставить, чтоб не застал змей их врасплох.

Первым пошел в дозор царский сын. Вышел на калинов мост, прошел его вперед-назад и думает: «Что я здесь на ви-

ду стоять буду – за семь верст видать. Спрячусь-ка я под мостом и там стеречь буду». Сошел с моста, лег под кустом и заснул.

Вдовый сын, тем временем все не спит, думу думает: «А ну, как царевич пропустит вражину али не справится?» Встал и вышел к калинову мосту. Нет нигде царевича! Искал-искал, а тут змей трехголовый на мост ступил. Это был младший брат Чуда-Юда. На одной из голов сокол зоркий сидит, сбоку от коня – охотничья собака нос по ветру вытянула, принимает. Едва конь на мост ступил, заржал, собака завyla, а сокол клекотать начал.

Досталось коню от младшего брата Чуда-Юда по ушам: – Что ржешь, травяной мешок? Чего, пес, попусту брехать начал? Ты, птица, чего раскудахталась? Коли врага моего чуете, так его и близко тут нет. Есть один достойный воин, так и тот за тридевять земель живет. Не чую я тут поблизости вдовьего сына! Не вылупился еще тот ворон, что кости сюда его занесет.

Рассмеялся таким словам трехголового змея вдовый сын, появился перед змеем:

– Доброму молодцу приглашения не нужно, и воронье ни к чему. Надо – сам появляется!

От испугу чуть с коня не свалился змееныш:

– Ты, что ль, вдовый сын?

– Я это, я! Не ждал?

– Биться, аль мириться будем?

– С тобой, змей поганый, мир дороже станет. Биться!

– А место приготовил? – страшно змею, время тянет.

– Коли тебе места мало, бери и расчищай. Духу, чай, в трех глотках поболее, чем у меня в одной. Делать нечего, – снова вдовый сын рассмеялся, – так и дуй, освобождай место для боя. А мне и так хорошо.

Соскочил змей с коня да как дунет из трех голов во все стороны – вмиг поле чистым на три версты стало.

И начался бой не на жизнь, а на смерть.

Три часа битва длилась, нелегко пришлось вдовьему сыну, но срубил он все три головы у младшего брата Чуда-Юда. Потом сложил головы под калинов мост, коня в поле выпустил. Собака сама за зайцем погналась, а сокол в небо улетел.

Вернулся вдовый сын в старушкину избушку, тихонько улегся и заснул.

Утром из дозора пришел царевич.

Вдовый сын и спрашивает:

– Тихо, спокойно было? Никто не шел, не шумел, копытом по мосту не стучал?

– Ни души не было! Даже рыба в реке ни разу не плеснула, – царевичу о чем рассказывать-то было, когда он беспробудно спал под калиновым мостом.

«Да уж, – подумал вдовый сын, – мало надежды на такого товарища!»

В следующую ночь купеческому сыну дозор нести. Отправился он к калинову мосту, так и не ступил на него. «Чего, –

думает, – буду стоять на виду!» Спустился под калинов мост да спать в кустах завалился.

А вдовьему сыну вновь не спится: «А ну, как пропустит Чудо-Юдо!» Встал и пошел к калинову мосту. Видит, спит его товарищ крепким сном. Не стал будить, сам стеречь калинов мост решил. Едва успел за куст ракиты схорониться, как увидел, что на мост въехал средний брат Чуда-Юда – змей о шести головах. Почуял опасность конь – заржал, собака залаяла, а сокол, что сидел на одной из голов, встрепетнулся.

– Ах ты, волчья сыть, травяной мешок! Чего ржешь без дела? А ты, пес, отчего шум поднимаешь?

А соколу вообще пригрозил шею свернуть.

– Нет тут поблизости ни одного мне супротивника! Аль испугались кого? Так единственный человек, которого вам бояться надо, далеко отсюда. Ворон три дня лететь будет и костей не донесет вражьих сюда.

Вышел из-за куста вдовый сын и говорит:

– Добрый молодец сам вороньи кости разбрасывает и с нечистью без приглашения рассчитывается!

Удивился змей шестиголовый, испугался, но виду не подал:

– А-а-а! Так каким же ветром тебя в наши края занесло: биться или мириться?

– Мир с вами, нечистью, дороже станет. Биться!

– Не боишься? Ведь убью, а прах по ветру развею!

У вдовьего сына в руках меч сверкает, клинок в бой про-
сится, позванивает. Отвечает богатырь:

– Сначала убей, потом хвалиться будешь!

– Ладно, расчищай поле! Попробует моя собака твоё мясо
на зуб!

– Тебе надо, ты готовься, а мне всё ладно. У тебя шесть
глоток, вот и дуй. Мне и на земле биться сподручно.

Сполз змей с коня, когтями острыми в землю вцепился да
как дунет из шести глоток – опустела земля на шесть верст
о круг.

Стали биться-сражаться. Горячая битва была: меч вдовье-
го сына не раз о железные когти да шкуру змееву искры вы-
секал. Грохот от битвы за шесть верст слышать было, только
купеческому сыну под мостом спалось крепко.

Справился с шестью головами вдовый сын, отрубил их да
под мост в куст ракиты запрятал. Залюбовался своим мечом
богатырь – ни зазубринки, ни щербинки не осталось. Добрый
меч! Коня змеева пустил вдовый сын в поля, собака за куро-
паткой погналась, а сокол в свободный полет отправился.

Усталый да измученный воротился вдовый сын в старуш-
кину хатку, упал на лежанку да в сон провалился.

Будит его наутро ночной дозорный – купеческий сын:

– Что так долго, брат, спишь? Я вот за всю ночь глаз не
сомкнул, вас да калинов мост стерег.

Ничего не сказал вдовый сын: видел, «как глаз не смыкал»
купеческий сын. «И на этого воина мало надежды, – поду-

мал вдовый сын. — Коли край придет, все самому придется делать».

Третья ночь — черед вдовьего сына дозор нести.

Позаботился богатырь о старушке, что на ночлег приютила. Отправил ее вдовый сын ночевать подальше от хатки, в овин. Чужало его сердце, что бой предстоит кровавый, тяжкий. Хотелось ему уберечь хозяйшку от смерти лютой.

В хатке проткнул стенку ножом, и под нож кубок поставил.

Друзьям наказал:

— Коли с ножа кровь капать в кубок будет — ко мне на помощь спешите. Да не спите, иначе и вам несдобровать!

Бросил им на стол колоду карт и велел играть, чтоб не заснули.

Ох, слабых себе помощников-соратников взял вдовый сын! Он — за порог, а те карты побросали да спать завалились.

Подошел к калинову мосту вдовый сын, осмотрелся. Потом спрятался за ракитовый куст и ждет.

В полночь загудела земля под копытами крепкого коня, задрожали литья на раките, словно буря налетела.

Это Чудо-Юдо о девяти головах на мосту появилось: из глоток огонь пышет, на груди солнце и месяц цепями пристегнуты. Конь под ним от испуга на колени пал, собака рядом визжит и вертится, сокол клетотом дрожь земли перекикивает.

Ударил змей коня промеж ушей:

– Ах ты, волчья сыть, травяной мешок! Чего падаешь? И вы, – обернулся одной головой к собаке, а другой – соколу, – что такое учуяли?

Конь не заржал – простонал:

– Конец пришел тебе, хозяин!

Разозлился змей:

– Что врешь? Нет никого поблизости, кто бы мне равным по силе был! Вдовый сын только – достойный противник, да далеко он: ворон за три года и кости его не донесет.

– А вот и нет, чудище девятиголовое! Здесь я! – вышел из-за куста ракиты вдовый сын. – Давно ищу тебя, Чудо-Юдо, ворон тут ни при чем.

Ничуть не испугался:

– Ага, сам пришел. Теперь не нужно мне за тридевять земель по твою душу летать. Мириться хочешь? Биться со мной – молоко на губах не обсохло!

– Мне годков моих хватит, чтобы не просто с тобой тягаться в бою – верни солнце и месяц! Может, тогда и помилю!

– О-хо-хо! Рассмешил! Да ты сначала поле приготовь для битвы. Посмотрим, что за сила у тебя есть.

– Еще чего! Мне и так сподручно, а ты, коли места мало, бери и зачищай. Вон глоток у тебя сколько!

Соскочил змей с коня, дунул ветром да огнем из девяти глоток – на девять верст земля обуглилась да почернела. Ни

деревца, ни травинки!

Эх, и началась сеча! Три часа бились – вдовый сын только три головы Чуду-Юду снес. Земля дрожит, ветер в ушах свистит, меч звенит, играючи, только рука у вдовьего сына подустала.

«Пора товарищей звать, – подумал вдовый сын. – Хватит им в кары играть!»

– Слушай, змей, – обратился вдовый сын к Чуду-Юду, – погоди малость, воды испить надобно – в горле пересохло, с тобой играючи.

– Ладно, попей, только на пощаду не надейся! – шесть голов змея рассмеялись одновременно.

Зашел вдовый сын за ракитовый куст, что чудом под мостом уцелел, снял рукавицу с левой руки и запустил ее в хатку, где товарищи спали. Пролетела рукавица и, словно, клинком, крышу срезала. А те спят беспробудно, только на другой бок повернулись.

Попил водицы из реки богатырь, ждет, а подмоги нет!

Снова сошлись в смертельном бою Чудо-Юдо и вдовый сын. Откуда только силы у богатыря брались: уже шесть часов битва длилась!

«Спят, наверное, помощнички! – думает вдовый сын, чувствуя, что силы уходят. Бросился в атаку – еще три головы снес змею, по колени в крови стоит. А кровь ручьями в реку стекает – красная вода стала совсем.

– Ну что, змей, отдохнуть хочешь?

Скривились в усмешке оставшиеся три головы:

– Что, вдовый сын, скоро замертво от усталости упадешь? Чего тебе все передышки маячатся? Да, ладно, водичка уже непригодна для питья, так посиди, на небо посмотри. Чай, в последний раз!

Пока змей свои раны зализывал, вдовый сын запустил вторую рукавицу в хатку. Рукавица по самые окна хатку снесла, а царевич да купеческий сын, знай себе, спят. Не от кого ждать помощи!

Снова начался бой. Богатырь уже по пояс в крови змеевой стоит, а добраться до остальных голов силушки не хватает. Запросил вдовый сын еще одну передышку. Чудо-Юдо сразу согласилось – истек кровью. Пока змей своими ранами занимался, вдовый сын улучил момент, снял сапог и запустил в руины, которые раньше хаткой были.

От удара сапогом разлетелись остатки избушки до самого подвала, и проснулись, наконец, соратники вдовьего сына. Глянули на упавший кубок – за голову схватились. Видно, совсем плохо вдовьему сыну у калинова моста. Схватили мечи свои – и к реке, где насмерть бился их товарищ.

Затрясло змея от страха: ослаб он совсем, обессилел, а тут еще двое!

– Вот зачем тебе отдых нужен был, своих звал, – простонал Чудо-Юдо. Три молодца да три меча сделали свое дело – отлетели последние три головы чудища. Настал конец страшного змея. Взял вдовый сын солнышко ясное да месяц

светлый и на небо вернул.

Как снова тепло да весело стало на свете жить людям: не нарадуются!

А вдовый сын с друзьями вернулся к старушке, поблагодарили за приют. Потрудились – новую избу поставили, крепче да теплее той, что была.

Решили побратимы несколько дней погостить еще, отогреться да отоспаться.

Отдыхают царевич и купеческий сын, а вдовый сын думу тяжкую думает: «Вот со змеями-чудищами справились, а вдруг их жены-ведьмы людям мстить станут, новые беды насылать.

Ничего не сказал друзьям, сам собрался и пошел во дворец, где три Чуда-Юда жили. Не узнали его, переодетого в крестьянскую одежду, приняли.

– Не нужен ли вам работник? – спрашивает у ведьм вдовый сын.

– А то! – старшая ведьма отвечает. – Сразил наших дорогих мужей враг лютый – вдовый сын. Мы его все равно отыщем и со свету сживем.

– Да, вы колдуньи знатные! – вдовый сын разведать решил и продолжил: – А как это можно сделать? Ведь, говорят, сильный он.

– Да кто чем богат! Он – силой, мы – хитростью да колдовскими чарами. Возвращаться домой он скоро будет, тут-то мы его с товарищами и подловим, – говорит младшая ведь-

ма. — Обернусь чистым да прозрачным родником на пути. Захотят попить водицы — тут им и конец.

Жена среднего брата-змея тоже пригрозила:

— А я на их пути яблоней обернусь. Накормлю их яблочками румяными — и упадут замертво.

— А я для верности, вдруг уцелеют, на три версты лугом расстелюсь, в сторонке дуб ветвистый поставлю. Захотят отдохнуть в тени, заснут — и не проснутся. Кони травку пощиплют — падут мгновенно.

Поговорил вдовый сын для видимости про оплату за работу, ночи дождался — и бегом в избушку к друзьям.

Путру пошли втроем на зеленый луг, свистом подозвали коней змеевых. Вдовый сын выбрал себе самого сильного коня, что носил девятиглавого Чуда-Юда. Купеческому приглянулся конь среднего брата-змея, шестиголового. Царевичу достался конь трехголового Чуда-Юда. Попрощались вдовый сын и его друзья-соратники с доброй старушкой и домой, в свое царство, отправились.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Возвращался вдовый сын с товарищами тем же путем-дорогою, что и в поисках Чуда-Юда шли. Только кони сильные и быстрые скорее их к дому несли. Много ли, мало ли времени прошло, только захотелось побратимам ночку переночевать да водицы испить. Спешились у ручья, расседлали коней и пустили в зеленый луг пастись.

Вдовый сын хорошо помнил слова жены младшего змея

про отравленный ручей. Вот он и говорит друзьям:

– Вы, как-никак, сыновья не простых мужицких кровей! Погодите тут, на лугу, я сам принесу вам водицы.

Оставил друзей вдовый сын, а сам к ручью пошел. Выхватил меч из ножен и давай кромсать, рубить воду прозрачную! Та вмиг кроваво-красной сделалась – это ведьма, извиваясь, кровью исходила. Подбежали царевич и купеческий сын, бранятся, руками машут, а куда подевалась вода, понять не могут. Пить-то все равно хочется.

– Что ты сделал с ручьем? – кричат.

– Да не ручей это был – ведьма, младшего брата Чуда-Юда жена. Извести нас хотела, вот я и покончил с ней. Еще, кстати, две ловушки где-то по дороге нас ждут.

Не стали соратники на этом проклятом месте засиживаться. Снова взнуздали коней да поскакали дальше. Жажда, голод донимают их. Вдруг видят – яблоня раскидистая с наливными румяными яблочками у дороги стоит. Плоды соком налиты, так просятся: «Сорви и съешь!»

Кинулись царевич и купеческий сын к яблоне, а вдовый сын им, как и в первый раз, говорит:

– Не барское это дело – по деревьям лазить! Сам нарву и принесу в рубахе.

А сам подскочил к яблоне с мечом и давай ее рубить-кромсать! Вмиг рассыпалась яблоня в прах. До последнего корешка! Тут царевич и купеческий сын только затылок почесали: поняли, что еще одну ловушку ведьмовскую

избежали.

– Да, братья, – сказал вдовый сын, – это среднего брата Чуда-Юда жена была.

Едут друзья дальше. За пригорком, чуть в сторонке, луг зеленый, шелковистый, раскинулся. Словно пуховой периной степь покрылась, а на краю дубок ветвистый стоит, от жары путника спрятаться зовет.

Так богатырям спать захотелось, что веки хоть соломинкой подпирай.

Кони, словно взбесились, на луг рвутся. Еле сдержали их наездники.

Вдовый сын, помня слова старшей ведьмы, решил проверить, не тот ли это луг, который должен отравить коней. Подошел поближе, меч выхватил и стал рубить сочную траву. А из стеблей вместо сока кровь ведьминская полилась. Понял богатырь, что и дубок такой же заколдованный. Подбежал к дубу и посек его в щепы.

Делать нечего – поехали дальше. Остановились на ночлег в лесу, коней отпустили пастись, а сами перекусили запасом из котомок да спать улеглись. Притомились в дороге, потому проспали три дня и три ночи.

Проснулись и стали совет держать.

Вдовый сын говорит:

– Царство наше близко – рукой подать! Езжайте домой, отцы ваши уже все глаза проглядели, а я еще по свету похожу, на мир погляжу. За матерью моей приглядите, мой сы-

новний привет ей передайте да в обиду не давайте.

Простились побратимы с вдовьим сыном, отправились по домам. А богатырь пошел по свету бродить, службу искать, где его сила может сгодиться.

Полсвета прошел и попал во дворец к царю Постоянцу. Такой странный царь вдовьему сыну попался: однобокий, одноголазый, однорукий, одноногий, на плечах – полголовы, на лице – полбороды. Одна страсть у царя была – кони.

Как увидел царь Постоянец коня, на котором вдовый сын по свету бродил, предложил:

– Давай состязание устроим? Кто быстрее пробежит вокруг дворца, того и конь твой будет. Я быстрее – заберу у тебя коня, ты обгонишь – царство мое в награду получишь.

Удивился вдовый сын: «И как это он собирается обогнать меня на одной ноге?» И согласился.

Побежали они. Что за царь такой чудной: вдовый сын и три раза не переступил еще, а тот уже три раза вокруг дворца обежал. Забирает поводья у вдовьего сына и похихикивает. Вдовый сын чуть не плачет: так жаль было отдавать коня, да невдомек, что перед ним не царь, а колдун. Решил богатырь, что отслужит себе своего коня назад. Пришел к царю Постоянцу и говорит:

– Возьми меня на службу, любой приказ исполню.

Подумал-подумал царь и говорит:

– Ладно. Дам тебе задание. Далеко-далеко, в тридевятом царстве, в тридесятом государстве живет бабка Каргота – ве-

щунья и колдунья. Дочери у нее – красавицы из красавиц, похожи, как капли воды. Двенадцать девушек – и все на одно лицо. Дом колдуньи стоит за высоким частоколом, на каждой колоде – голова человека торчит, только одна частоколина не занята. Сможешь уговорить бабу Карготу отдать за меня замуж младшую дочь – верну коня.

Думал-думал вдовый сын, а потом решил: «Двум смертям не бывать, а одной не миновать. Пойду, иначе коня не вернуть».

– Хорошо, – говорит он царю Постоянцу, – поеду сватать тебе младшую дочку колдуньи.

Поутру собрался вдовый сын и в путь отправился. Идет по берегу моря, глядит, а по воде Морской Бегун мчится.

Загляделся на ловкого бегуна, поздоровался чуть не вслед.

Морской Бегун приостановился, ответил и спрашивает:

– Куда собрался, богатырь?

– Да вот не по своей воле иду, коня выручать надобно. Потребовал царь Постоянец, чтобы я ему дочку бабки Карготы посватал.

– А возьми меня в помощники – пригожусь!

– Пойдем, вдвоем всегда веселее, – обрадовался товарищу вдовый сын.

Далеко ли, близко ли, а встретили они человека удивительного: одним усом тот мельницу держал, что на двенадцати жерновах сразу молола, а другим усом небо подпирал.

Поздоровались вдовый сын и Морской Бегун с Усачом, а тот спрашивает:

– Далеко ли собрались, путники?

– Да вот, – отвечает вдовый сын, – иду сватать за царя Постоянца младшую дочку бабки Карготы. Братец Морской Бегун вызвался помогать.

– Так возьмите и меня с собой, – просит Усач. – А вдруг и я понадобится?

– Идем, – согласился вдовый сын.

Идут дальше втроем, видят – сидит человек на берегу озера и пьет из него воду. Пил до тех пор, пока все озеро не выпил, а все мало. Кричит:

– Пить! Пить хочу!

Говорит друзьям вдовый сын:

– Да это Водопой!

Услыхал эти слова человек и спрашивает:

– Куда путь держите? Не к воде ли? Тут уже нечего пить совсем!

– Идем сватать дочку бабки Карготы за царя Постоянца.

– Возьмите меня с собой, – просит Водопой. – Может, где воды побольше есть!

– Ладно, – отвечает за всех вдовый сын, – может, пригодишься.

Идут дальше, а там человек дерево догрызает, а все кричит:

– Есть хочу!

– И ты, Обжора, с нами хочешь? – спрашивает вдовый сын.

– А то! – у Обжоры аж глаза горят от голода. – А куда вы идете?

– Свататься к бабке Карготе. Дочку ее в жены царю Постоянцу просить будем.

– Возьмите с собой! Не могу тут больше!

– Ладно, пойдем, – вдовый сын отвечает.

Шли-шли и до лесу добрались. Видят – стоит человек, одетый в тулуп по самые пяты. Рукавицами хлопнет – вмиг все деревья инеем покрываются. А это Мороз развлекается.

Поздоровались путники с ним, а Мороз и спрашивает:

– Куда спешите?

– К бабке Карготе, сватать ее дочку за царя Постоянца.

– Без меня вам с этой вещуньей не справиться!

– Так идем с нами! – вдовый сын рад, что столько помощников у него теперь.

– Помогу, если что!

Так, вшестером, они и подошли к высокому частоколу, за которым дом бабки Карготы стоял. На всех колодах – по человеческой голове, а одна частоколина – пустая.

– Наверное, это для моей головы! – усмехнулся вдовый сын.

– Всяко могло бы быть, коли б не взял нас с собой, – улыбаются спутники.

Стали сваты ворота входные искать, а их нет! Морской Бегун три раза частокол обегал, а входа нет. Только дыра в

частоколе узкая.

Пробрались через эту дыру сваты и пошли к крыльцу, на котором бабка Каргота восседала.

Удивилась бабка, как смогли узкую щель найти в частоколе и через нее пролезть.

Вдовый сын подошел, поклонился хозяйшке:

– Здравствуй, богатая и мудрая Каргота!

– То, что мудрая, сама знаю, а вот откуда про богатство мое знаешь?

– Так слухом, матушка, земля полнится! Есть у тебя богатство особое – дочери твои.

– Ну, и зачем тебе мои дочери?

– Дочку младшую твою сосватать хочу! – вдовый сын подумал: «Пан или пропал! Буду говорить, как есть!»

– И за кого сватать пришел? Не за себя ли?

– Нет, матушка! За царя Постоянца сватать пришел.

– Да ну? Так сватай! Только пивка из моего погребка сперва выпей. Не выпьешь – голова с плеч!

– Отчего ж не выпить? С дороги ведь! Да и у спутников моих в горле все пересохло.

Отвели бабкины слуги вдовьего сына с товарищами в погреб, где бочки с пивом стояли, и заперли на засовы.

Вдовый сын с товарищами по кружечке пьет, нахваливает бабкино пиво. А Водопой пустошит бочку за бочкой и бьет пустые кулаком в щепы. Выпил все пиво и кричит:

– Бабка Каргота, еще пива давай!

Бабка ушам не верит, спустилась в погреб, а там все разбито, пиво выпито.

Сердитая, а виду не кажется:

– Нету пива больше, пироги есть! Съедите – можете сватать!

Обрадовались вдовьего сына помощники: в дороге-то изголодались!

Запустили слуги бабкины гостей в другой погреб и тоже заперли на засовы.

А там пирогов – горы навалены! Наелись все, кто сколько мог, а остальное Обжора подчистил. Мало того, еще и стену прогрыз, кричит в пролом:

– Бабка Каргота, еще пироги есть?

Бабка совсем осерчала: три года с дочками те пироги пекли, а эти сваты на три счета все изничтожили и стену попортили.

– Ладно, – говорит она, а сама глазами зло сверкает, – баньку сейчас вам истопят. Попаритесь, переночуете, а завтра видно будет. Слугам приказала дровишек не жалеть. Те и постарались: натопили докрасна железную баньку. Чтоб дорогие гости не сбежали, сама повела в баню.

Хотел вдовый сын первым зайти, а Мороз его хватить – и позади себя поставил, первым зашел. Надел рукавицы и давай ими похлопывать – тут же изнутри жар пропал куда-то. Тем временем остальные вошли в баню, а бабка за ними дверь захлопнула и довольно захихикала.

Мороз свое дело знает – ходит по баньке да рукавицами похлопывает.

– Не холодно? – спрашивает.

– В самый раз, – смеются товарищи. Потом помылись спокойно и спать улеглись.

Утром бабка Каргота приказала слугам:

– Ступайте в баню, выньте этих жареных сватов собакам на прокорм.

Открывают слуги дверь, а из бани молодцы выходят – сытые, выспавшиеся, крепкие, на щеках румянец – красавцы, одним словом.

Бабка и речь потеряла, словно язык присох! Что ж за люди пришли сватать дочку, что она с ними никак справиться не может?

Пришла немного в себя бабка Каргота и говорит:

– Вот сейчас все двенадцать моих дочек перед тобой встанут. Коли младшую узнаешь – сватай за своего царя Постоянца. Не различишь – пеняй на себя! Там одна частоколина пустая стоит, для твоей головы берегла, видимо.

Вспомнил вдовый сын, что говорил ему царь Постоянец: «Все на одно лицо!»

Задумался богатырь: «Как же отличить-то?»

Вдруг слышит вдовый сын, как Морской Бегун ему шепчет слова:

– Я узнаю, не бойся! Они сто раз приходили к морю купаться, я видел их.

– Веди своих дочерей, матушка! – говорит вдовый сын. – Попытка – не пытка! Попробую.

Вышли девицы-красавицы, все на одно лицо. А бабка впереди встала и взглядом сверлит вдовьего сына: «Что, получил?»

Ходил-ходил вдовый сын – не может понять, кто из них младшая, кто старшая. Одинаковые – и все!

Морской Бегун скосил клеза на одну, что ближе к нему стояла – тут вдовый сын и понял, на кого друг указывает.

– Вот она! – подошел и за руку взял младшую дочку бабки Карготы.

Вовсе от злости взбеленилась бабка, а делать-то нечего! Надо отдавать дочь.

Вдовый сын взял за руку девицу-красавцу и повел со двора. Друзья следом потянулись. Только вышли на дорогу, видят – бабка Каргота взвилась на облако и собирается оттуда какую-то беду учинить.

Усач поднял свой ус, ухватил бабку Карготу за ноги и во двор втолкнул:

– Сиди на печи!

Дочка-красавица тоже поняла, что эти молодцы не лыком шиты, пошла молча да спокойно с вдовым сыном.

Направились все друзья и вдовый сын в обратный путь. Каждый и помощников, попрощавшись и поблагодарив остальных за веселую прогулку, оставался там, где встречался на пути к бабке Карготе.

Вдовый сын пошел к царю Постоянцу с младшей дочкой бабки Карготы.

А царь, вместо благодарности новое испытание приготовил для вдовьего сына – так не хотелось ему расставаться с конем. Заставил натаскать гору смолы, растопить ее. Только тоненькую досочку над смолой кипящей проложили слуги.

– Вот, царь, привел я тебе невесту. Едва высватал. Отдавай коня!

А царь Постоянец, кривой и страшный, подхихикивает:

– Ступай через смолу по этой доске. Пройдешь – конь твой!

Смотрит вдовый сын на смолу, на досочку... Страшно-ва-то! Не выдержит!

Слышит, как дочка Карготы шепчет:

– Иди, не бойся!

Никому и невдомек, что дочка-то – тоже колдунья! Заговорила она досочку, приглянулся ей богатырь – вдовый сын.

Ступил на тоненькую досочку вдовый сын, а она – как железная! Держит! Прошел спокойно.

Надоели хитрости царевы вдовьему сыну. Говорит он:

– Вот что, царь Постоянец! Я сто раз уже отслужил своего коня. Сделай и ты хоть что-нибудь! Видишь, прошел я по этой доске. Пройди теперь и ты.

А бабкина дочка поддакивает:

– Да-да, не пройдешь – замуж за тебя не пойду!

Решился царь. Думает: «А что? Вдовый сын прошел, так

и я пройду!»

Только ступил на доску – кончился заговор дочки Карготы. Доска обломилась, а царь Постоянец рухнул в смолу и сварился в ней сразу.

– И поделом ему за вредность да жадность, – сказал вдовый сын.

Поженились они с младшей дочкой бабки Карготы, стали жить-поживать да добра наживать. И царством вместе править.

Принцесса и разбойники

Далеко-далеко за морем жили-были король и королева, растили принцессу – красавицу и умницу. Не было недостатка в женихах, когда она подросла. Двенадцать кавалеров сватались за нее, только одна беда: все они были разбойниками. Принцессе было любопытно, зачем пригласили ее разбойники, почему она должна прийти к ним в дорогой одежде.

Однажды она все же решила пойти дорогой, о которой ей говорили кавалеры. Королю принцесса ничего не сказала. Собралась, принарядилась и вышла на эту дорогу. Тропа вела через густой лес. Неожиданно, сразу за крутым поворотом, она увидела дворец. Вокруг – безлюдно, но дворец манил блеском, изяществом, теплом светящихся окон.

Принцесса решила и вошла во дворец. То, что она увидела в первой же комнате, привело девушку в ужас. Посреди зала стояли бочки с человеческой кровью! От страха у нее едва не отнялись ноги. Собралась с силами и пошла дальше по коридору. Во второй комнате стояла бочка с человеческими головами, руками и ногами. Третья комната была полна тулупами, в четвертой комнате была свалена обувь, в пятой – кафтаны, сарафаны, блузы, другие наряды из парчи и шелка, в шестой и седьмой комнатах сверкали, разложенные по отдельности, драгоценности из серебра и золота. На столе, возвышаясь горкой, переливались бриллианты. Вось-

мую комнату занимали сами разбойники, которых пока не было во дворце.

Страшно принцессе было во дворце! Бродила она по комнатам в растерянности, как вдруг услышала стук и шаги: это вернулись разбойники!

Спряталась принцесса под кровать. Слышит: разбойники вернулись не одни, а привели с собой девушку. Избитая, она только стонала от боли. Разбойники раздели ее догола, положили на колоду и убили ножом. С мертвой стали снимать драгоценности. Только с одного пальца все никак не могли снять кольцо. Тогда один из разбойников взял топор и отрубил палец вместе с кольцом. Отрубленный палец упал под кровать, где ни жива, ни мертва находилась принцесса. Разбойник попытался отыскать палец с кольцом, но под кроватью было темно, и ни пальца, ни спрятавшуюся гостью увидеть не смог. Рассердился и решил подождать до утра, когда рассветет.

От ужаса принцесса боялась даже пошевелиться, чтобы не выдать своего присутствия. Разговор разбойников о ней самой вызвал смятение: они говорили о том, что принцессу нужно обязательно заманить во дворец и здесь убить.

Хозяева дворца устроили пир: пили, ели, кричали и пели песни. Потом уgomонились и улеглись спать. Как только разбойники разлеглись и захрапели, принцесса тихонечко выбралась из-под кровати. Легко ступая, вышла из дворца и бросилась бежать домой.

Вернулась во дворец короля незаметно, так, чтобы никто и не знал, что куда-то отлучалась. Принцесса закрылась в своей комнате. Пережитые волнения не давали ей заснуть, руки еще долго дрожали.

Утром она поведала обо всем отцу. Ох, и разгневался батюшка-король! Задумал он изловить разбойников и примерно наказать.

К обеду приехали гости во дворец к королю – те самые кавалеры-разбойники. Погуляли по саду, поговорили о своей любви к красавице-принцессе, а потом настало время обеда.

Сели за стол, в разговоре во время трапезы снова стали приглашать принцессу к себе в гости, расхваливая свой дворец. Принцесса слушала, улыбалась, а, вспомнив картины в разбойничьих комнатах, вздрагивала...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.